DG249
.K653

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DG249
.K653

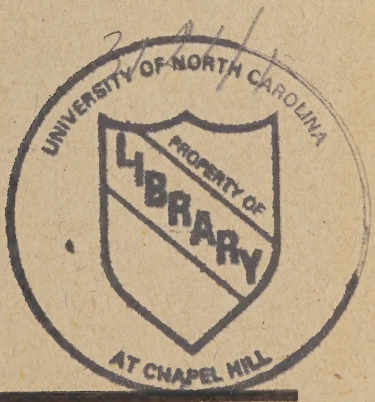
This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Д. П. КОНЧАЛОВСКИЙ

АННИБАЛ



ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1923

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
С.П.Б.

ТИПОГРАФИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА
БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ПЕТРОГРАД, ПРАЧЕШНЫЙ, 6.

Петрооблит № 7144 Напечатано 3000 экз.

Aw C

Д. П. КОНЧАЛОВСКИЙ.

D. P. Konchalovskiĭ

DG249
.K653

Annibal

АННИБАЛ

ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1923

ОТ АВТОРА

Кто знаком с источниками истории Рима и Карфагена в III в. до Р. Хр., тот поймет, какие трудности представляет задача написать биографию Аннибала. Если не считать краткого жизнеописания Корнелия Непота, античной биографии Аннибала мы не имеем. Из трех его характеристик, Ливия, Диона Кассия и Полибия, две первые обнаруживают черты стилизации. Античные историки, передающие сведения об Аннибале, пишут не его историю, но историю Рима. Правда, в течение четверти века этой истории его личность является центром их внимания, но ее деятельность и значение видны нам только в результатах, процесс выявления этих результатов остается в тени, а в нем-то и заключалась личная жизнь Аннибала. Каковы были мотивы, планы и приемы деятельности, которые осуществили видимый нам результат? Какую роль играли при этом чувства и характер Аннибала, и какая доля принадлежит посторонним факторам? Ответить на эти вопросы, значит рассказать жизнь Аннибала. А между тем в процессе его личного творчества, политического и военного, нам известно только последнее звено, выявившийся результат, ставший отвлеченнымм от личности элементом истории.

При скудости материала наш метод заключается в восстановлении внутреннего процесса помощью догадок и гипотез, исходя из известных нам данных о результатах деятельности Аннибала, его характере и общих условиях эпохи. Такой метод, конечно, допускает иногда несколько возможных решений. Мы выбирали то, которое казалось нам наиболее правдоподобным. Если при этом в изложении мы почти всюду придерживались формы утверждения и возможное представляли как действительное (в то же время не обосновывая наши выводы примечаниями и ссылками на источники), то причина этому заключается в характере настоящей книги. Ее цель — дать живой образ личности широкому кругу читателей, а не сообщить итоги нашего исследования специалистам.

27 марта 1923 г. Москва.

Глава I

АМИЛЬКАР

Из томительного состояния агонии, в котором оказался Карфаген после первой войны с Римом, в годы внутренних смут и внешних унижений, он внезапно поднялся на такую высоту богатства и блеска, какой едва ли достигал когда-либо в прошлом. Но новый расцвет был следствием неожиданного стечения обстоятельств и сопровождался сильными внутренними трениями политической жизни. Возрождение финикийской стихии в западном бассейне Средиземноморья на этот раз вышло из особых условий. Во главе движения стала группа лиц, связанных родством и общностью личных и политических целей; она сумела открыть новые пути живым силам, еще сохранившимся в старом карфагенском обществе. Первым в ряду этих лиц был герой сицилийской войны, Амилькар Барка, последним и величайшим был его сын Аннибал.

Имя Амилькара приобрело громкую известность с 247 года [1]), когда предводимый им карфагенский

[1]) Все хронологические даты в этой книге относятся ко времени до рождества Христова.

отряд занял важный стратегический пункт в западной Сицилии, гору Эрик, и отсюда в течение ряда лет парализовал все усилия римской армии, осаждавшей с суши крепость Лилибей, без взятия которой Рим не мог считать обладание Сицилией упроченным. Только беспримерное напряжение Рима на море, увенчавшееся победой его флота, сделало для Амилькара невозможным продолжение сухопутной кампании, и заставило сдать свои позиции. По поручению правительства он заключил перемирие. Его усилие и искусство были таким образом сведены на нет, но не по его вине, и не по вине армии, которая до конца сохранила и боевой пыл и способность к борьбе. Амилькар сложил с себя командование и частным человеком возвратился на родину. Но как нередко бывало в Карфагене в прошлом, враги Амилькара попытались вовлечь его в тяжелый и опасный политический процесс. Обвинение состояло в том, что его образ действий в Сицилии во время перемирия создал ту почву, на которой теперь разыгрывались трагические события восстания наемников и подвластных Карфагену африканских городов. Заслуженно или справедливо было это обвинение, мы не знаем, но нам известно, что Амилькару удалось пока выпутаться из процесса с помощью влиятельного среди народа Асдрубала, человека, о котором мы узнаем впервые по поводу этой услуги, и который впоследствии обнаружил необыкновенные политические дарования.

Итак, на некоторое время Амилькар ушел в частную жизнь. Однако, громкое военное имя и неудачи карфагенских генералов против мятежников, скоро выдвинули его на одно из первых мест в государстве, и тогда начались его непрерывные успехи. Мятеж наемников и ливийских подданных был подавлен, восстание нумидийцев сломлено, Африка замирена и спокойствие восстановлено. Амилькар не только сумел вывести государство из состояния агонии, но и расширил его границы на запад. Обвинение, еще раньше возбужденное против него противниками, повидимому, не было прекращено, а лишь отсрочено, но пока сам Амилькар одерживал победы на полях сражений, его многочисленные друзья, и среди них Асдрубал, энергично действовали в его пользу на карфагенском форуме. Его сторонники составляли партию, располагавшую крупными средствами, которые пополнялись и усиливались еще присылаемой им с войны добычей. Эти люди, которым один античный историк дает весьма нелестную кличку, сумели выхлопотать своему вождю верховное командование по всей Африке, правда, на ограниченный и краткий срок. Но в дальнейшем он успел и с помощью демагогии своей партии, и собственными военными подвигами упрочить свое положение и сделать себя необходимым для гражданства. С далекой сев.-западной окраины Африки Амилькар внезапно перешел Геркулесовы столпы и без всякого повода напал на южные племена Испании.

В своем непрерывном движении из восточного угла Средиземного моря по его побережью финикийское племя купцов и мореходов давно уже познакомилось также и с южными бухтами Пиренейского полуострова и осело в удобных береговых пунктах и на прибрежных островках. Но как почти повсюду, оно и здесь не пыталось проникнуть дальше береговой полосы, чтобы подчинить себе туземные племена. Финикийские купцы довольствовались ничтожным клочком территории, по соседству с корабельной пристанью, который получали ценою ежегодной дани местным властям; но за то из созданных ими купеческих факторий они, как никто другой, умели протянуть вглубь страны нити коммерческих сношений, ради выгоды которых без труда соглашались признать чужое господство над собой. Лишь одной из финикийских торговых колоний в Африке, Карфагену, удалось превратиться в могучую державу с крупной сплошной территорией и объединить вокруг себя целую морскую систему финикийских общин, искавших защиты против наступления другого племени купцов и мореходов, западных греков. В эпоху острой борьбы этих двух сил власть Карфагена простиралась также и на фактории южного и отчасти восточного побережья Испании, среди которых крупнейшей был Гадес. Но ко времени занимающих нас событий это господство было утрачено, хотя финикийский элемент продолжал прочно держаться среди туземного населения.

К Испании Амилькара влекло то же, что и предков его племени: богатство металлами и прежде всего серебром, оловом и свинцом, которые весь античный мир черпал из горных рудников и в руслах рек этой страны через посредство финикийских купцов. Но помимо личных планов, о которых речь впереди, его привлекал сюда обильный живой материал, воинственные племена, наемная служба которых могла в будущем дать ему в руки несравненное орудие войны.

Население тогдашней Испании дробилось на несколько отдельных племен и бесчисленное количество маленьких политических центров. Культурное и мягкое на юге, оно отличалось тем большею суровостью и даже дикостью, чем дальше к центру и северу находились места его жительства. Здесь встречались области, где даже расположенные к мирному труду и культуре племена принуждены были обращаться к войне и грабежу под влиянием беспрестанных набегов диких соседних горцев. Ни одной испанской общине ни прежде, ни после описываемой эпохи не удавалось объединить вокруг себя своих соотечественников. Да повидимому, о создании крупного государства никто из туземцев и не мечтал. Все честолюбие, вся гордость маленьких общин выражалась в страстном упорстве, с каким они отстаивали свою самобытность и свободу, и в этом отношении едва ли какой-либо народ мира показал такие величественные в самой своей дикости при-

меры непримиримости, мужества и самопожертвования. Но если бы с помощью средств и системы, неизвестных туземцам, постороннему завоевателю удалось объединить и подчинить себе этот народ, его верность и мужество могли дать ему надежную силу для самого дерзновенного предприятия.

То, о чем не думала ни одна местная община, удалось Амилькару. В течение восьми лет жестокой борьбы его гений и военное искусство сломили сопротивление испанских племен. Однако свое владычество он построил не на одной силе оружия, но, может быть, еще в большей степени на том порядке, на той системе учреждений, нам к сожалению неизвестных, следы которых надолго пережили своего творца и почти через полвека вызывали восторженное удивление римского наместника Катона. Несмотря на то, что до самого конца Амилькару приходилось бороться с восстаниями, он мог передать своему зятю и сподвижнику Асдрубалу прочную власть над всею южною частью полуострова, вплоть до его центра.

Успех в Испании создал Амилькару новое, исключительное положение. Часть огромной добычи шла на подкупы карфагенских политиков и щедрые подачки народу с целью заставить его забыть ошибки сицилийского командования. Поддержка политической партии и демагогия, очевидно, были необходимы Амилькару и теперь, как раньше. Мы не знаем точно ни условий внутренней политической жизни

Карфагена, ни общественных нравов и характера гражданства. Несмотря на успехи и военную славу Амилькара, быть может, даже благодаря им, борьба против него велась ожесточенная, а враги его были достаточно сильны. В древней традиции сохранился определенный взгляд на действия его самого и его друзей, как на демагогию и интриганство довольно низкого сорта. Но и противники не брезгали никакими приемами, марая клеветой его славное имя и пороча отношения к Асдрубалу. Против этих врагов Амилькар создал себе опору в армии и народе. С первой, его крепко связала общая судьба, военная слава, счастье и богатая добыча, народ он привлек ловкими маневрами приверженцев и щедростью. Но деньги обильно полились из Испании также и в карфагенскую казну, благодаря чему личное предприятие Амилькара так или иначе получило санкцию властей и превратилось в государственное. Богатства Испании давали возможность выплачивать контрибуцию, наложенную Римом.

По внешности и оффициально завися от центрального правительства, Амилькар, повидимому, оставался вполне самостоятелен, а новая провинция образовала особую, независимую сферу отношений, в которой рядом с полководцем важным фактором являлся африканский кадр армии. По инициативе и решению этой военной силы получили свою власть оба преемника Амилькара. Созданная исключительно энергией вождя, укрепленная новыми связями и отно-

шениями, сходившимися, как в центре, в его личности, власть Амилькара получила как бы наследственный характер, и не даром политические враги дали ей в насмешку прозвание „царства“. Но многообразные общественные и частные выгоды испанского завоевания обеспечивали им и поддержку, и обильный приток людей из Карфагена. Зародившаяся традиция не прервалась и после славной кончины Амилькара. Его давнишний друг и союзник, а теперь уже муж дочери и соучастник деятельности в Испании, Асдрубал, стал во главе армии среди восстания туземцев и сломил его. Вместе с признанием карфагенских властей, он получил от них свежие подкрепления. Более политик и дипломат, чем воин, он однако блестяще решил задачу, упрочив свою власть над территорией, завоеванной мечем Амилькара. Каково бы ни было его положение в отношении к карфагенской республике, для испанцев он стал верховным вождем, что выразилось в знаменательном титуле, который был добровольно поднесен ими. Казалось, метрополии суждено было отойти на второй план. Успехи Баркидов в Испании озарили будущее блеском новых надежд и счастья, а их залогом служили растущие богатства и неисчерпаемая военная мощь туземных племен. Пульс политической жизни как бы начал перемещаться из Африки в Испанию. Здесь открывалось поприще для предприимчивости и энергии выходцев с родины. Сюда, к правителю новой провинции, явилась из Рима мис-

сия, для заключения с ним условий о сферах влияния, не заботясь даже о том, чтобы получить санкцию договора от карфагенского сената и народа. И среди богатейших залежей серебряной руды, на удобном пункте морского берега уже поднимался молодой город, со складами и арсеналами, с крепким замком властителя — Новый Карфаген.

Среди таких событий государства и родной семьи, протекли годы детства и ранней юности Аннибала. Прямых известий о годе его рождения у нас не сохранилось. Косвенно мы заключаем, что он родился в 246 году, т.-е. в отсутствие отца, командовавшего армией в Сицилии. Ранние впечатления детства, рассказы старших, должны были оставить в душе ребенка мрачные картины тревог и бедствий, постигших родину и семью. Подвиги отца, унизительный мир, угроза судебного процесса, восстание наемников, их злодейства над видными людьми республики, быть может над родными и друзьями, осада города мятежной армией — вот эти картины. Среди тревожных событий он почти не видел отца, но во всем, чего он был свидетелем и слушателем, незримо присутствовал его образ, сначала в опасности политических интриг, потом в опасности походов и сражений, но всегда в блеске славы, с именем спасителя родины, победителя, народного героя. Аннибалу минуло девять лет, когда в его собственной личной жизни произошло первое событие, настолько важное и значительное, что традиция видит в нем зерно

всей его позднейшей деятельности и трагической судьбы. Когда Амилькар закончил все приготовления к испанскому походу, ему оставалось перед выступлением только вопросить волю бога. Удачно совершив обряд жертвоприношения и получив благоприятные знамения, полководец приказал свите стать поодаль, а сына, присутствовавшего тут-же, подозвал к себе и ласково спросил, не желает ли и он отправиться в поход с отцом. Мальчик с живостью и радостью согласился. Тогда Амилькар, взяв сына за правую руку и подведя к алтарю, приказал коснуться жертвы и принести торжественную клятву в вечной ненависти к Риму. Отец, великий знаток людей, сделал безошибочный выбор. Аннибалова клятва стала на все времена символом верности и постоянства, а образ Аннибала перешел в историю как олицетворение единственной, всю душу поглотившей страсти.

С этих пор и до смерти отца Аннибал был его неразлучным спутником, другом, учеником. С этих пор в течение тридцати шести лет он знал походы и битвы, видел знойные плоскогорья Испании, равнины южной Галлии, снежные вершины Альп, могучие реки севера, ущелья Апеннин, цветущие поля Кампании, степи Апулии, он подходил к стенам Рима на полет копья, слушал разноязычный говор сотен племен и народов, узнавал их нравы и обычаи, но ни разу он не видел великолепия родного города, его лукавых правителей, раболепной и неверной черни. Вся его юность была школой не

только войны, но и политики, быть может, уже под руководством отца, но в особенности под руководством мужа сестры, Асдрубала, несравненного дипломата, державшего в своих руках не только все отношения подвластных общин и племен Испании, но также пружины борьбы политических партий и кружков Карфагенской республики.

Аннибалу минуло семнадцать лет, когда погиб его отец. Южная кровь и почти непрерывная лагерная жизнь, рано привели к зрелости его тело и дух; он быстро приобрел тот закал воина, те суровые и простые привычки жизни, которые делали все существо его столь близким и понятным, столь обаятельным для всякого солдата. Молодым и старым, новичкам и ветеранам, испанцам и пунийцам, он одинаково внушал веру в свою способность решать великие и трудные задачи походов и сражений, хотя его молодость при жизни отца, и по преимуществу мирная политика его зятя, позволяли ему до сих пор показать себя лишь в небольшой и подчиненной роли. Но то, как проявлял он себя в малом, заставляло предугадывать, как он покажет себя в большом. Первый в аттаке, последний в отступлении, дерзкий перед лицом опасности, холодный и рассудительный в борьбе с нею, с духом и телом, непобедимым для напряжения и труда, без сна и без пищи, если того требовало дело, скромный в привычках мирной жизни, одновременно полководец и солдат, одинаково способный приказывать и повиноваться — таким рисует

его враждебный ему историк, таким знала его армия, таким действительно должен был он быть, чтобы в течение почти всей жизни, вынести то напряжение неравной борьбы, которое не выпадало на долю ни одному полководцу мира.

Девять лет провел Аннибал в школе своего зятя, из которой он вышел вполне готовым воином и политиком. В 221 году рука убийцы-раба поразила на смерть его наставника и друга. Основатели величия Баркидов, один за другим сошли в могилу. Наследниками оставались двадцатишестилетний Аннибал и двое его младших братьев. Единодушие и одушевление, с какими штаб и армия высказались за его избрание, свидетельствуют не только об обаянии его родового имени, но и о той вере, какую он успел внушить, несмотря на возраст. За 17 лет командования Баркидов Карѳаген привык не вмешиваться в дела армии, и на этот раз, как и прежде, ему оставалось лишь подчиниться решению, исходившему отсюда: правительство и народ немедленно утвердили выбор Аннибала.

Глава II

ПЕРВЫЕ ШАГИ АННИБАЛА

Перемена правителей всегда создает повышенное настроение и возбуждает надежды. Что станет делать новый полководец? Армия, скучавшая долгим

бездействием при Асдрубале, ожидала подвигов. Ремесло солдата ценилось не ради обычного жалования, но прежде всего ради добычи, да и сами испанские племена не привыкли к спокойствию. В Карфагене, где Аннибала знали больше по наслышке и по традиции баркидской партии, особенно учитывали его молодость, и те круги, для которых самостоятельность Баркидов всегда была бельмом в глазу, надеялись, что новый правитель окажется гораздо более слабым противником, нежели его предшественники. Здесь от Аннибала ждали ошибок, чтобы свести старые счеты. Наконец была еще и третья сила, с интересом и вниманием следившая за событиями, — римская республика; хотя посторонняя и далекая, эта сила одним своим существованием оказывала невидное, но могучее давление на отношения, складывавшиеся между штабом испанской армии и карфагенским правительством.

В огромной области, лежащей к югу от реки Эбро, которая по договору Асдрубала с Римом была предоставлена влиянию Баркидов, только южные и юго-восточные племена находились в непосредственном подчинении им. Запад и центр полуострова оставались независимы, причем главнейшие из обитавших здесь племен, быть может, были связаны с Асдрубалом договорами. Северная граница карфагенской провинции едва ли касалась верховьев Таго. В эту то сторону Аннибал, едва вступив в командование, направил свои военные операции, отвечая

стремлению армии к деятельности, добыче и славе. Первый поход, против племени олкадов был выполнен быстро и удачно, но ничем особенным он не ознаменовался. Напротив поход следующего, 220 г., дал Аннибалу случай в очень трудном положении показать свои военные дарования. Покорив племя ваккеев, взяв два их города, Элмантику и Арбукалу, Аннибал, на обратном пути в Новый Карѳаген, был настигнут превосходными силами карпетанов у верховьев реки Таго. Неравенство сил делало сражение в открытом поле рискованным, а армия Аннибала была к тому же затруднена обозом с огромной добычей. Избегнуть несчастия можно было только быстротой и решительностью.

Загородившись от неприятеля укрепленным лагерем, Аннибал сумел в одну ночь переправить свою армию назад через реку и здесь спешно окопался в некотором расстоянии от берега. Испанцы не разгадали маневра и самую быстроту его приняли за бегство. Уверенные в победе, они на следующее же утро бросились в наступление через реку, в своем порыве не заботясь о сохранении боевого строя. Этого только и ждал Аннибал. В самый момент беспорядочной переправы испанцев аттаковала кавалерия, высланная им из окопов, многих перебила в самой реке, те же из неприятелей, которым удалось прорваться на берег, были смяты и растоптаны слонами. Вслед за конницей пехота перешла обратно реку и ударила на смешавшагося и уже

отступавшего противника. После поражения армии область карпетанов лежала открытой и беззащитной. Всего в несколько дней Аннибал привел ее к покорности.

Итак, внезапную опасность Аннибал сумел превратить в блестящий успех. Но какие бы превратности и неожиданности ни заключали в себе военные задачи, для Аннибала они представляли легкую и благодарную часть того огромного наследства, обладателем которого сделала его судьба. Главная часть этого наследства, самая трудная и ответственная, заключалась в сложной и тонкой системе политических отношений, исторически сложившихся между властителями Испании и властями в Карфагене. В то время, как Аннибал одерживал свои первые победы, с востока на него надвигалась туча, предвещавшая политическую бурю.

Несмотря на все успехи Баркидов в Испании, на кажущуюся прочность их власти здесь, их положение, взятое в целом, оставалось все же неопределенным, более того — оно заключало в себе внутреннее противоречие. В самом деле, с момента первой экспедиции Амилькара в Испанию и до избрания Аннибала, власть их опиралась на две основы, неодинаковые по происхождению и характеру. В Испании Баркиды сделались самостоятельными повелителями племенных князей, вождей и начальников, и торжественный титул, поднесенный Асдрубалу, выражал внешним образом этот независимый верхов-

ный авторитет. Дружеские и родственные связи — и Асдрубал вторично, и Аннибал были женаты на испанках — только укрепили их влияние среди туземцев. Таким образом, если Карфаген мог считать себя господином Испании, то только через посредство личности Амилькара и его наследников, своих граждан. Но вместе с тем первоначальным источником авторитета этих лиц и в их собственном сознании, и в глазах испанцев была должность командира карфагенской армии и все реальные средства, которые отсюда вытекали. Как ни значителен личный момент в завоевательной экспедиции Амилькара, покорение полуострова он совершил в качестве главнокомандующего карфагенской республики. И хотя было ясно, что испанское командование Баркидов постепенно принимает династический характер, оно все же нуждалось в санкции и поддержке Карфагена. Однако вместе с поддержкой отсюда же шла и угроза. Искони карфагенскую аристократию отличало подозрительное отношение ко всякому даровитому и счастливому полководцу, который мог бы, опираясь на свою славу, преданность армии и влияние в народе, сделать попытку захвата власти. Действительно, такие попытки случались в прошлом Карфагена, и в эпоху борьбы с греками не один отважный честолюбец сложил свою голову в борьбе с аристократией за власть. Положение Баркидов было беспримерно, ибо никто из прежних претендентов не обладал, подобно им, такой длительной и личной

властью в почти независимой области. Карфагенскому правительству волей-неволей приходилось терпеть существование этой огромной и опасной власти рядом с собою, как вследствие страха, который она ему внушала, так и вследствие выгод, какие она приносила государству. Была еще одна причина, заставлявшая стремиться к равновесию во взаимных отношениях: обе стороны чувствовали, что за ними следит общий враг — римский сенат.

Напряженная внутренняя атмосфера, однако всегда могла разразиться бурей. Тревога за конституционный порядок среди правительственных кругов в Карфагене была естественна и законна, но не она одна могла стать источником возможных столкновений. После того, как все опасности и трудности великого предприятия Баркидов были превзойдены, и власть в Испании стала источником могущества и богатства, среди аристократической черни Карфагена легко могли найтись охотники взять в свои руки наследство Амилькара, под предлогом верховных прав республики. Подобных происков политических и личных врагов обоим основателям испанской провинции пришлось опасаться всю жизнь. Простонародье и средний класс изменчивы в своих привязанностях, и их любовь представляла лишь шаткую опору. Указанная выше двойственность власти лишала ее полной прочности в самой Испании, несмотря на весь блеск и обаяние имени Баркидов в этой стране. Интрига, идущая из Карфагена,

в конце-концов могла оказать свое влияние и здесь. Таким образом все положение рано или поздно грозило сделаться невыносимым, и хрупкое равновесие могло опрокинуться вдруг. Для Амилькара, еще только создававшего новый порядок, вопрос, конечно, не успел стать острым. Тогда все отношения находились в зародыше, но чем дальше шло время, чем сильнее укреплялась традиция Баркидов на полуострове, тем явственнее становилась опасность кризиса. Кризис этот наступил уже при преемнике Амилькара и едва не привел к катастрофе. Краткое, но высоко авторитетное известие античного историка рассказывает нам, что Асдрубал, упрочив свою власть в Испании, явился в Ливию с тайным умыслом произвести на родине монархический переворот. Ему не удалось, однако, скрыть от властей свои приготовления, и потому, предвидя отпор и не надеясь на успех, он поспешил вернуться в свою провинцию. С этих пор он оставался здесь, сохраняя прежнюю независимость и правя Испанией всецело по собственной воле. Но и карфагенская аристократия не посмела еще перейти в наступление, и таким образом, прежнее равновесие, опасное, но неустранимое, было восстановлено с молчаливого согласия обеих сторон.

В такой то напряженной политической атмосфере вырос Аннибал. Необходимо ясно представить себе всю сложность и трудность политического положения, в центре которого он становился теперь, чтобы

понять, каких качеств ума и воли оно от него требовало. Нужно было обладать необычайным чутьем действительности, необычайным знанием людей и практическим опытом, чтобы с первых же шагов не сделаться игрушкою случайных событий и тайно направляемых интриг. Если Аннибал принял отцовское наследство, то, конечно, не ради простого обладания им в силу своего права рождения. Для натур, подобных Аннибалу, власть является не целью, а средством для иных, великих задач. Но в его положении, раньше чем дойти до возможности приступить к их выполнению, необходимо было преодолеть массу трудностей и препятствий, которые лежали в самой сущности его власти, благодаря ее неустойчивому и неопределенному характеру. Политическое искусство Аннибала сказалось в том, что свое положение среди партий и интриг, тот элемент опасного и угрожающего, который заключался в его власти, он сумел сделать путем, который привел его к заветной великой цели.

От своего отца и зятя Аннибал унаследовал целую партию помощников, советников и друзей. Они доставляли ему опору в Испании и Карфагене. Но из школы своего зятя и наставника Аннибал вынес сознание, что в политических отношениях нет места сентиментальным привязанностям, что дружба вытекает здесь не из чувства, но из оценки выгод. Он был убежден, что большинство людей не способно дарить другим свою привязанность и верность

бескорыстно. Поэтому он подходил к ним, заранее вооруженный ясным представлением относительно их возможных мотивов и намерений. Только так он мог избегнуть риска остаться в дураках и стать слепым орудием чужих целей и честолюбия. Почти в каждом человеке он видел своего противника, действительного или возможного, и потому всегда оставался на стороже, чтобы не быть застигнутым врасплох. Он рано понял, что политика и война для большинства людей являются источником личных выгод, прежде всего материальных. Чтобы привязать к себе людей в этой сфере, надо было уметь отказываться от этих выгод, щедро раздавать их другим и таким образом удержать за собою главное. Это он умел делать в высшей степени и только потому, что во всем он обращал внимание на существо вещей, а не на внешнюю, казовую их сторону. Тех, в ком он нуждался, он окружал знаками внимания и высшего почета. Он знал, что в большинстве люди склонны быть рабами почестей и внешнего блеска, что ради них они не остановятся перед опасностью и риском, даже перед явным собственным ущербом. На эту удочку он ловил людей и вел их к цели, постигнуть которую был способен только он. Отказываясь от личных выгод и наслаждений он в изобилии предоставлял их тем, кого избирал своим орудием и, таким образом, делал из них ревностных и преданных участников собственных трудов и опасностей. То, чего он требовал от

них, он показывал собственным примером, зная, что только при таком условии он получит их содействие без всяких оговорок, без словесных увещаний и поощрений, без необходимости личного руководства и надзора в мелочах. Так приобрел он себе штаб верных сотрудников, из которых многие являлись его заместителями в тысяче дел и поручений. Ту же трезвость и рассудочность, которая отличала его в критические моменты битвы, он проявлял и в отношении к самым интимным друзьям. Никогда не полагался он на прочность одного чувства. С товарищем своего детства он избегал делить радость военного торжества, боясь, как бы вопрос славы и добычи не охладил испытанную временем связь. По отношению ко многим он выказывал надменность и строгость и подчинял их себе страхом. Так, действуя разно в различных случаях, он одинаково держал в своих руках умы и сердца всех и являлся центром и направителем огромной системы, которая должна была служить его целям. Величие этим целям он сообщал не полетом пылкой фантазии, оторванной от реальности и терявшейся в беспредельном и химеричном, но в соответствии их с окружающей действительностью. Твердая почва жизненных фактов была исходным пунктом его планов. И в походах, и в политике его самые важные решения часто казались импровизацией момента, но на самом деле они были актом вдохновения, подготовленного тем чутьем реальности, тою проницательностью и

вдумчивостью, с какою только он умел определять положение. И оттого не люди и события вели его, а он вел их. Он изумительно умел провидеть нормальный ход событий и часто предугадывал их наступление с такою точностью, что мог заранее на этот счет побиться об заклад. Вследствие этого он быстро и искусно использовал в своих целях всякую внезапную случайность, а будущее, которое он издали охватывал своею мыслью, становилось для него как бы настоящим. Это будущее в его воображении облекалось в плоть и кровь человеческих решений, поступков и слов, и к ним он заранее приспособлял весь план своих собственных действий.

С таким опытом приступил он к своей самостоятельной и ответственной роли, к которой подготовился в школе своего зятя и старшего друга. Он воспринял не только полное знание всех внутренних политических и международных отношений, но и ту сложную и тонко выработанную финикийскую культуру, к которой принадлежал по рождению. В этом отношении он был вполне членом своего высокого сословия. Но жизнь в Испании расширила и обогатила его кругозор. Он был в такой же степени испанцем, как и пунийцем, и сверх того он усвоил себе также плоды высшей и более блестящей эллинской культуры. Этим качествам духа в нем соответствовала физическая организация, укрепленная и развитая его образом жизни. Только благодаря ей он мог выполнить свои поистине исполинские задачи. Его

тело было одновременно мощно и легко, благодаря чему, поглощенный делами высшего порядка, он мог нести труды рядового солдата. Он не страдал ни от чрезмерности, ни от недостатка пищи, одинаково переносил изобилие и нужду, принимая и то и другое, как нечто обычное и нормальное. Казалось, что напряжение только придает ему новые силы, бессонница делает его свежее и бодрее.

Среди своих первых походов и битв Аннибал не упускал из виду нитей той системы власти, выгод и влияний, которая охватывала правящий мир его провинции и Карфагена. Эта система сложилась до него, действовала уже многие годы, но она не могла быть вечной опорой власти, ибо не представляла ни законного конституционного порядка, ни выражения какого либо определенного правосознания. Она была простым обменом выгод и услуг, который в любой момент мог перестать удовлетворять наличным аппетитам и рассчетам. Жадность карфагенских политиков и политиканов не знала границ, оплата услуг превращалась для них в нечто должное по праву, а растущие потребности не останавливались перед злоупотреблениями и беззакониями. Партия Баркидов в Карфагене потеряла чувство меры. Свою поддержку среди народа, среди нейтральных и колеблющихся членов аристократии она продавала своим вождям за деньги, извлекаемые ими из завоевания, из добычи, из эксплоатации испанских рудников, и несомненно, львиная доля богатств, поскольку они

не попадали в казну, доставалась членам этой клики. Распределение выгод было негласным и открывало широкое поле для злоупотреблений, неудовольствия и обид внутри самой партии. Но еще легче было для самих участников утратить чувство меры, перейти границу дозволенного и натолкнуться наконец на сопротивление и протест со стороны.

Неудовольствие баркидской партией в Карфагене нарастало уже давно, но только теперь ее противники сочли момент удобным для открытого выступления. Целый ряд судебных процессов был возбужден против членов баркидской партии. От них требовали отчета в распоряжении теми суммами, которые посылались сюда из Испании, и которые по закону принадлежали государственной казне. Их обвиняли в корыстном использовании своего служебного влияния. Общественное мнение на этот раз высказалось за обвинителей, и для Аннибала, внимательно следившего за всем происходившим, становилось ясно, что нападение на его друзей есть только прелюдия нападения на него самого. Он понял, что начинавшийся политический скандал, в случае успеха его противников, превратится в его личную катастрофу.

Предотвратить опасность можно было только решительностью и быстротою. Но что следовало предпринять? После неудачной попытки Асдрубала произвести внутренний переворот этот путь не обещал каких либо шансов на успех, особенно в такой

момент, когда в самом Карфагене влияние баркидской партии в народе пошатнулось, а моральный перевес оказался на стороне противников. Сложившаяся обстановка была похожа на положение восемнадцать лет назад, когда борьба шла между Амилькаром и его противниками в Карфагене. И подобно отцу Аннибал решил вступить на тот же путь военных предприятий, который в то время оказался спасительным выходом из подобных же затруднений. Но во внешнем положении обоих была и существенная разница. Амилькар имел перед собою свободное, неизведанное пространство: запад Африки и Пиренейский полуостров. Теперь для Аннибала в этом направлении итти дальше было некуда: покорение десятка новых племен полуострова не прибавило бы ничего существенного к уже основанной и закрепленной провинции. Перед ним лежала определенная граница, река Эбро, за которой стоял исконный враг Карфагена — Рим.

Грозная перспектива однако не отпугнула Аннибала, и он без колебаний пошел на борьбу с Римом. По внешности, события складывались так, как будто бы интриги партий принудительно толкали Аннибала на конфликт с Римом, на самом деле эти интриги он сумел сделать тем путем, который приводил к заветной цели его юности не только его самого, но и весь штаб друзей и все государство. С момента своей клятвы отцу Аннибал рос в предвидении этого момента. Его и его младших братьев отец воспитывал в

непримиримой ненависти к Риму, им он завещал свои надежды мести, их в своей отцовской гордости он называл львятами, вскормленными для будущей борьбы. Традиция, сложившаяся вскоре после событий, во все поступки Амилькара с момента перемирия с Катулом и до самой смерти, вкладывает идею реванша, и все отдельные события его личной жизни и истории Карфагена, всѣ случайности, даже идущие в разрез с его конечной цѣлью, нанизывает на одну основную нить — гнев Амилькара. Для этой традиции вторая пуническая война цѣликом содержится в его гневе, как растение в зерне, как организм в зародыше. Следуя ей, и новые историки, охватывая процесс с высоты птичьего полета, совершившееся объясняют всемирно-историческим законом, в силу которого все развитие имело одну конечную цель — победу Рима над соперником в борьбе за мировое господство ради создания той высшей культуры, которая стала достоянием современного мира.

Итак внутренний кризис, нападение политических врагов, оказался тем толчком, который заставил Ганнибала приступить к выполнению его заветной цели, и без которого вся последующая история двух государств получила бы, быть может, совсем иное направление. Личная опасность, необходимость торопиться устраняла всякие колебания, опасность друзей и всей партии увлекала и их на тот же путь, на который при иных условиях они ни за что не решились бы пойти вслед за своим вождем. Успех сулил

ему укрепление его позиции, непререкаемый авторитет его и его партии, наконец для родины — небывалое в прошлом могущество, неудача во всяком случае покрыла бы его бессмертной славой. Притом такая неудача была все же лучше, чем поражение во внутренней борьбе. Рассуждать так, не значило ли ставить на карту всю судьбу своего народа ради личных целей? С тем характером и чувствами, какие Аннибал получил в наследство от отца, в том положении, в каком он находился, он не мог рассуждать иначе. Борьба с Римом в его глазах была неизбежна, и если даже под ногами Карфагена разверзалась пропасть, не все ли равно, в какой момент и чьей рукой быть сброшенным в нее?

Глава III

КОНФЛИКТ С РИМОМ

Со времени заключения последнего мира с Римом и до настоящего момента в самом Карфагене не предвидели новой войны и не готовились к ней. Если бы план такой войны существовал, то в течение ближайших двадцати лет не раз представлялись удобные моменты для нападения. Правда, в первые три года, благодаря восстанию наемников и ливийских подданных, Карфаген сам очутился почти на краю гибели. Этим воспользовался Рим, чтобы за-

хватить еще новые области, Сардинию и Корсику, и исторгнуть новую контрибуцию. Но вскоре положение резко изменилось. В то время, как Карфаген, умиротворенный внутри, расширял свои владения на западе, и благодаря обильному притоку средств из Испании быстро залечивал раны своего государственного хозяйства, Рим напрягал все силы для отражения кельтов, грозивших обрушиться на него с севера из долины реки По, и в то же время боролся с иллирийскими пиратами в Адриатике. Еще ни одному противнику Рима не выпадал на долю такой удобный случай для нападения с тыла, как в середине 20-х годов, когда сенат призвал под знамена все боеспособное население Италии и обратил его против северного фронта. У Карфагена в этот момент были развязаны руки. При его огромных финансовых средствах, при наличии испанской армии, что стоило для него восстановить в несколько месяцев свой флот, вернуть себе свои старые провинции, Сицилию, Корсику, Сардинию, и обрушиться на южные берега Италии? В этот момент завоевание Испании было уже упрочено, Асдрубал еще жив и, будь у Карфагена заранее подготовленный план, ему стоило только предписать своему генералу совершить сухопутный поход в долину реки По на соединение с готовыми полчищами кельтов, а самому одновременно начать операции с моря. Но ничего этого не случилось, да и не могло случиться, ибо не таково было в то время внутреннее состояние Карфагена.

Тогда только назревали внутренние конфликты, толкнувшие впоследствии Аннибала на выполнение его личного плана, о котором никто, кроме гениального завоевателя, не дерзал и помыслить даже при самых благоприятных обстоятельствах. Смирно и скромно держался Карфаген в предоставленной ему судьбою сфере, а для Асдрубала не было причин искать внешних осложнений и конфликтов. В 226 году он личным договором с Римом обязался ограничить сферу своего влияния на севере полуострова рекою Эбро. Со стороны Рима при этом не было умысла предохранить себя от нападения пунийца с севера через Альпы и кельтскую область реки По. Какой стратег или политик в то время мог предугадать, что этот путь окажется когда-либо военной дорогой, что в Испании со временем найдется полководец, способный открыть его значение? В то время в Испанию знали только морской путь, проторенный греками Массилии, и по нему-то направили свою первую экспедицию римляне, когда началась война. Если теперь римский сенат решил не пускать пунийцев севернее Эбро, то скорей всего он делал это ради своих друзей, массалиотов, имевших здесь свои торговые связи.

Вызвать войну с Римом было не трудно; для этого стоило только перейти Эбро и вторгнуться в северную Испанию. Но такой шаг означал явное и беззаконное нарушение договора; всю вину за разрыв он возложил бы на голову Аннибала и ни-

когда не увлек бы на его сторону правящие круги и общественное мнение в Карфагене. Аннибалу нужно было действовать хитро и искусно, чтобы исподволь втянуть обе стороны в конфликт и создать такое положение, при котором право оказалось бы за него, а собственное его дело стало бы вопросом чести и интереса всего карфагенского народа. Впрочем, повод для осложнений найти было не трудно. Со времени вероломного захвата Римом Сардинии и Корсики отношения двух держав оставались напряженными, горючего материала было достаточно, и нужно было только бросить искру, чтобы вызвать пожар. Возможность конфликта учитывали и в Риме, хотя трудные задачи на севере и в Адриатике в двадцатых годах не позволяли сенату со всем вниманием думать о нем, а тем более его искать. Хозяйственные интересы крестьянства направляли римскую политику к долине реки По, где открывалась область для новых земельных наделов, а бесчинства иллирийских пиратов заставляли думать о безопасности адриатического побережья. Все это до поры до времени отвлекало внимание Рима от Карфагена, а то обстоятельство, что торговая республика не приступала к восстановлению своего военного флота, успокаивало римских политиков насчет ее аггрессивных планов. Однако, чем более расширялась система международных отношений, в которой Риму сама собою выпадала первенствующая роль, тем ближе становилась возможность новых трений

между двумя державами. Разойдясь в сфере больших островов и юго-западного побережья Италии, оба государства через некоторое время снова встретились кружным путем на дальнем западе, и к этой встрече привело с одной стороны завоевание Испании Баркидами, с другой же покровительство Рима союзным грекам запада. Влияние Рима однако не ограничилось северо-восточным углом Испании. По примеру греков его покровительства стала искать также и испанская община, лежавшая к югу от Эбро, т. е. уже в сфере влияния Баркидов. Эта община называлась Сагунт.

Сагунт представлял небольшую, но значительную своим географическим положением близ моря, плодородием области и богатством населения республику. По мере того, как владения Карфагена все ближе подступали к его границам, становилось ясно, что единственное средство спасти свою независимость — это найти покровительство в Риме. С своей стороны Рим охотно пошел навстречу той партии правителей Сагунта, которая обратилась к нему. В будущем Сагунт явился бы опорным пунктом, из которого можно было наблюдать за отношениями в Испании, а в случае нужды начать операции против этой провинции Карфагена.

Зимою 220 — 219 года в Карфаген стали поступать донесения от Аннибала, что сагунтинцы причиняют обиды и насилия соседнему и дружественному Карфагену племени турдетанов. К этому он добавлял,

что дерзость сагунтинцев объясняется их связью с Римом, что за спиною маленькой общины надо видеть могущественного врага республики. Такими донесениями Аннибал стремился подготовить общественное мнение к решительному выступлению, задуманному им на ближайшую весну. В то же время из Сагунта посылали в Рим одно предостережение за другим с целью открыть глаза на замыслы Аннибала. Но эти жалобы не вызвали здесь определенного решения. Сенат либо не представлял себе всех последствий начинавшихся событий, либо, наоборот, предполагал дать им свободный ход, чтобы впоследствии воспользоваться ими, как предлогом для действий против Карфагена и его полководца. Так тянулось дело до тех пор, пока наконец весною 219 года армия Аннибала, снабженная орудиями осады, покинула зимние квартиры и, подступив к Сагунту, начала штурм его укреплений.

Аннибал надеялся взять город с первого приступа. Его расчет не оправдался. Укрепления оказались слишком сильны, мужество защитников уравновешивало их малое число. Штурм был отбит с потерями, гарнизон сделал вылазку, и в схватке сам Аннибал получил рану в бедро. Пришлось перейти к правильной осаде, которая затянулась надолго.

Даже получив известие о выступлении Аннибала, римский сенат постановил ограничиться только дипломатическим вмешательством. В Испанию выехало посольство. Однако Аннибал под предлогом военных

действий уклонился от встречи с ним и в то же время дал указания своим сторонникам в Карфагене относительно тактики, какой следовало держаться при дипломатических переговорах. По прибытии сюда римские послы нашли подготовленную почву. Карфагенское правительство заявило, что право нарушено сагунтинцами, и вмешательство Рима было вежливо, но твердо отклонено.

Между тем осада Сагунта шаг за шагом подвигалась вперед. После многих попыток осаждающим наконец удалось разрушить часть стены и занять один участок города внутри. Но упорство защитников еще не было сломлено. Они загородились новой стеной, построенной наспех — последний оплот перед цитаделью. В этом отчаянном положении внезапно мелькнул луч надежды. В тылу у Аннибала поднялись оретаны и карпетаны, раздраженные тяжестью военного набора. Чтобы подавить мятеж, потребовалось присутствие самого Аннибала. Это событие однако не надолго отсрочило конец. Осадные работы продолжались, и к возвращению главнокомандующего все приготовления к последнему штурму были закончены.

Тогда была сделана попытка склонить защитников к капитуляции. Она не удалась. Измученные борьбою и голодом, покинутые всеми, сагунтинцы предпочли пойти навстречу смерти, нежели принять позорные и ужасные условия сдачи. Предание рассказывает, что в самый момент переговоров не-

сколько сенаторов сложили костер, снесли на него свои сокровища и сами бросились в пламя вместе с женами и детьми. В этот момент неприятель уже ворвался в крепость. Начались избиение и грабеж. Несмотря на гибель многих граждан, Аннибалу досталось не мало пленников и богатая добыча.

Восемь месяцев Аннибал потратил на осаду Сагунта. Столько же потратил Рим на свои дипломатические шаги. Быть может, сторонники Аннибала умышленно не торопились закончить переговоры с римским посольством в Карфагене, так что, когда оно вернулось отсюда домой, там одновременно была получена весть о падении крепости. Встревоженный и возбужденный собрался на совещание сенат, но единодушия перед лицом надвигающихся событий не было. Одни предлагали немедленно объявить войну Карфагену и сразу напасть на Африку и Испанию. Другие оставляли Карфаген в стороне и ограничивали войну одной Испанией и Аннибалом. Третьи советовали не ускорять развязку, но отправить в Карфаген ультиматум с вопросом, считает ли правительство себя солидарным с действиями Аннибала, и только в случае утвердительного ответа и отказа выдать Риму виновного полководца объявить войну. Лишь одна общая нота звучала во всех речах и предложениях: раздражение против Аннибала, признание его зачинщиком конфликта. Третье мнение победило. Постановили отправить в Карфаген чрезвычайное посольство, в со-

став которого вошли оба консула истекшего года, с поручением требовать выдачи Аннибала, а в случае отказа объявить войну.

Между тем виновник всей этой ненависти и возбуждения уже вернулся с армией в Новый Карфаген на зимние квартиры. При нем находились только ливийские отряды. Испанцы получили отпуск с приказом весною вновь явиться под знамена. Несмотря на затянувшуюся осаду Сагунта, он мог быть доволен результатами года. Рим был втянут в конфликт, хотя еще и неизвестно было, какой курс он намерен взять в будущем. Медлительность его дипломатии давала Аннибалу надежду на то, что и в случае войны, он также успеет предупредить противника и захватить инициативу в свои руки. Главное, ответ первому римскому посольству в Карфагене показывал, что в сношениях с Римом правительство намерено держаться твердого тона, что его политика и общественное мнение Карфагена входят в русло, намеченное Аннибалом. Рим не вмешался сразу, он колебался и теперь, после торжества Аннибала. Не означало ли это сознания им своей слабости или по крайней мере страха ввязаться в борьбу на юге, еще не уладив отношений на севере и в Адриатике, между тем как позиция Македонии внушала ему заботы? А если так, то не наступил ли, наконец, момент еще раз свести старые счеты и попытаться вернуть потерянное? Таково было настроение в Карфагене уже в то время, когда Аннибал штурмо-

вал твердыни Сагунта. Весть об его победе, присланная им новая добыча и подарки еще более подняли дух гражданства. Но все понимали, что этим дело не кончается, и не без тревоги ожидали, какую позицию займет Рим.

В Африке была уже весна, когда чрезвычайное посольство прибыло наконец в Карфаген. Наступил момент величайшего напряжения. Личные счеты, личные интересы и тут, как всегда, являлись тайными пружинами, направлявшими слова и поступки, но в такую минуту в политических дебатах выступали только великие и общие вопросы, благо государства, его достоинство и честь. Две партии боролись в карфагенском сенате, партия Аннибала — за войну, партия его врагов — против нее. Первая, к которой примыкали люди молодого поколения, выдвигала вперед счастливую комбинацию обстоятельств, обилие средств, боевую силу испанских союзников и подданных, возможность выйти наконец из унизительного положения последних лет. Но не малую роль в речах ее вождя, Асдрубала, играло указание на то, что успеха ныне можно было добиться без особенных усилий и риска для самой республики, силами и средствами одного Аннибала и его провинции. Другая, партия стариков, помнивших последнюю войну, руководилась сомнениями и страхом и советовала смириться. Так множество соображений за и против колебали чашку весов, и последней тяжестью, которая должна была склонить их в ту или дру-

гую сторону, было слово, которого ждали от римлян. Резко и без предисловий объявили они свой ультиматум в заседании карфагенского сената: или выдать Аннибала, как главного виновника всего происшедшего, или взять на себя ответственность за гибель римского союзника и нарушение договора. С изумлением выслушали карфагеняне такое требование. Оно означало вопиющее нарушение суверенитета государства, ибо только ему, а не посторонней державе надлежало судить поступки его полководцев. К такому унижению Карфаген, несмотря на всю свою уступчивость прежних лет, все же не привык. Послам было твердо заявлено, что в этой плоскости вопрос обсуждаться не может, и оратор карфагенского сената перенес его на почву спора о значении и пределах договора. Настойчиво указывали римлянам на то, что договор с Асдрубалом для республики недействителен, как не утвержденный ею, что сагунтинцы не должны считаться союзниками Рима, ибо их имени не значилось в основном договоре, заключенном с Лутацием Катулом. Все аргументы были тщетны. Римляне не хотели ни обсуждать, ни даже слушать их. Спор о праве был бы уместен, пока оно не было нарушено, теперь же, после гибели Сагунта было поздно, и важно было только одно: солидарна ли республика с Аннибалом или нет. Когда наконец стало ясно, что прениям не будет конца, что точки зрения сторон на самый предмет спора непримиримы, глава посольства, Марк Фабий,

потерял терпение. Собрав край своей тоги в подол и как бы пряча в нем последнее решение Рима, он воскликнул: „Здесь приношу я вам, карфагеняне, войну и мир. Выбирайте, что хотите!“ „Выбирай, что желаешь сам“ — был ответ. „Войну!“ воскликнул Фабий и распустил свою тогу. Шумным одобрением встретило собрание брошенный ему вызов.

То, чего ждал Аннибал, наконец свершилось. Он стоял у первой своей цели и в то же время у нового отправного пункта. Отсюда поле его деятельности, значение его задач расширялись неизмеримо, терялись в беспредельности. Успехи, достигнутые до сих пор, укрепляли веру в будущие успехи. Но на этой высоте Аннибал сохранял свою обычную трезвость и хладнокровие и с методической точностью приводил в исполнение план, обдуманный и построенный им заранее в предвидении событий.

Еще зимою было произведено передвижение отрядов, остававшихся для обороны Африки и Испании. Около пятнадцати тысяч ливийцев стали гарнизонами в Испании, около двадцати тысяч испанцев — в Африке. Обмен должен был служить залогом взаимной верности. В согласии с общим планом лишь небольшой отряд в 4000 человек был отправлен в Карфаген. В сферу деятельности метрополии Аннибал не вмешивался. Что затевалась война, это стало конечно известно всем, но куда направятся силы, какая область будет театром войны, это должно было пока оставаться тайной, и Аннибал, как только мог дольше, скрывал от солдат цель похода.

Для стратегов того времени существовал единственный возможный план войны между двумя соседними державами и единственный главный театр военных действий. С завоеванием Сицилии южная граница римских владений отделялась от Африки всего лишь узким морским проливом. Было естественно для Карфагена сделать метрополию главной базой нападения на Сицилию и южные берега Италии, и равным образом было естественно для Рима ударить отсюда прямо в сердце неприятельской державы. Таким образом само географическое положение указывало обеим сторонам ту область, в которой должны были бы разыграться главнейшие события войны. Уже с самого начала можно было сказать, кто явится нападающей стороной и захватит инициативу в свои руки. За последние двадцать лет Карфаген не сделал ничего для восстановления военного флота в масштабе, соответствующем морской державе. С теми кораблями, которые в начале войны предпринимали набеги и демонстрации у берегов Италии и Сицилии, нечего было и думать о десантной операции крупного размера, или о решительной борьбе на море. При огромном перевесе римского флота было ясно, что позиция Карфагена будет главным образом оборонительная. Что касается дальнего запада, т.-е. Испании, то ее роль римляне представляли себе вспомогательной; задача нападающей стороны, т.-е. Рима, должна была заключаться в том, чтобы отправкой особой сильной армии связать

Аннибала в то время, как главные силы поведут нападение на Африку и самый Карфаген. Таков был план будущей кампании, вытекавший из естественных условий, понятный и осязаемый для тогдашних специалистов войны, и мы увидим, что именно в согласии с ним Рим строил свою диспозицию и выполнял свои приготовления.

Провидеть то, что даже незаурядным умам казалось единственно возможной и естественной комбинацией отношений и в противоположность этому создать свою собственную, неожиданную и парадоксальную, перевернуть этим кверху дном взаимное положение сторон и сразу разбить все намерения и начинания противника — в этом заключался главный шанс успеха для того, кто вступал в борьбу с более слабыми материальными средствами. В таком именно положении находился Аннибал.

Перед лицом огромного физического превосходства Рима неожиданность и смелость плана, захват инициативы были главным, если не единственным его рессурсом. Но подобный план должен был быть не просто оригинальным и неожиданными. Мало ли парадоксов можно создать с помощью богатой и пылкой фантазии? Он должен был опираться на твердую почву действительности, но именно той, которая ускользает от внимания обыкновенных людей, мыслящих и строющих свои расчеты в границах привычного и общеизвестного. Он должен был угадывать истинные, но пока еще незаметные силы

настоящего и будущего и в процессе своего выявления вызывать их на сцену и противопоставлять тем, на которые предполагал опереться средний здравый смысл. На таком провидении будущих пружин событий Аннибал и создал свой план. Но самый замысел требовал еще смелости отклониться от общепринятого избитого пути и избрать свою собственную дорогу. Такую смелость давала Аннибалу вера в себя и решительность, которая казалась бы опрометчивой, если бы не была основана на предварительной трезвой оценке существующего.

План Аннибала заключался в нападении на Рим с севера, из кельтской области долины реки По. Никто из современников не подозревал вероятности того, что армия державы, центр которой лежал на юге, а главная провинция на дальнем западе, могла бы появиться в этом пункте, и поразительность такого появления оказывалась первым шансом дальнейшего превосходства на долгое время. Замысел был реален, он вытекал из существующего. У Карфагена не было флота, чтобы высадить армию на италийском побережьи в короткий срок и с небольшой затратой усилий. О нападении отсюда нечего было и думать, и в Риме были совершенно правы, предвидя в этом месте свою инициативу и свой перевес. Но сделать метрополию прочной базой Аннибал не мог еще и по иным причинам. Его опорой в смысле средств и политического влияния была Испания, а Карфаген лишь примыкал к нему

на условиях второстепенной роли и наименьшей затраты сил. Бросить Испанию, чтобы начать нападение из Африки Аннибал не мог бы даже и в том случае, если-б он нашел здесь вполне достаточные морские силы. Действительно, будущее показало, как мало помощи мог он получить из центра при затянувшемся конфликте. Испания не имела флота, и даже для ее защиты Аннибал мог оставить ничтожную морскую силу. Итак, для нападения оставался лишь кружной северный путь через Эбро и Пиренеи, юг Галлии и Рону и, наконец, через проходы Альп. Путь этот был долог, труден, неизведан, но отказаться от него значило обречь себя на пассивную оборону, т.-е. на ту самую роль, которая казалась неизбежной для всех, кто не обладал гением, проницательностью и смелостью Аннибала, чтобы из тех же данных сделать противоположный вывод. Но Аннибал не кидался в свое предприятие очертя голову. Все трудности он взвесил хорошо, ибо заблаговременно начал исследовать предстоящий путь и подготовлять его этапы. Он знал, что каковы бы ни были его потери, часть армии ему удастся довести, а это значило быть почти у цели. Новая провинция представляла из себя враждебную кельтскую область, все еще тлеющий очаг сопротивления господству Рима. Сведения его агентов говорили ему, что здесь он найдет свежий боевой материал, которым он усилит свою армию, даже если сюда доберутся одни ее остатки. Он завязал здесь связи

с помощью золота и заманчивых обещаний, и будущая союзница уже теперь протягивала ему руку помощи присылкой проводников через альпийские проходы.

Начальником войск и наместником в провинции Аннибал назначил своего младшего брата Асдрубала. Затем с огромным войском, которое древние определяли в сто тысяч человек, он выступил из Нового Карфагена и направился на север. Конечная цель похода была известна только ему и его ближайшим помощникам. Для остальных движение к Эбро означало намерение завоевать и последнюю часть Испании до Пиренеев. Так были поняты действия Аннибала и в Риме, когда туда пришло известие о переправе через Эбро. Тремя колоннами совершило войско эту переправу и тотчас вторгнулось в область, до сих пор остававшуюся свободной. С чрезвычайной быстротой, но за то и с большими потерями, выполнил Аннибал ее завоевание. Из своей армии он выделил еще один отряд с Магоном во главе, который должен был держать ее в покорности и охранять проходы через Пиренеи. Но тут он натолкнулся на первое препятствие, опасное в особенности для будущего. Приготовления к походу в Пиренеи не позволяли далее скрывать его настоящую цель. Перспектива покинуть родную землю среди испанской части армии вызвала волнение. Три тысячи карпетанов отказались продолжать поход, и чтобы их пример не вызвал подражания среди

других, Аннибал как бы по доброй воле позволил всем желающим остаться. Это уменьшило его армию на десять тысяч человек, но за то сделало ее надежнее. Чтобы ускорить марш, он оставил также большую часть багажа, так что дальше армия могла двигаться налегке, а это ставило вопрос о продовольствии настолько остро, что в совете Аннибала высказывалось мнение, не приучать ли солдат к человеческому мясу, что́ пригодилось бы в случае безвыходной нужды. Конечно, такой проект не прошел, но он характерен для того, как представлялось будущее руководителям похода. Аннибал потратил несколько недель на путь по южной Галлии. Местами туземные князья, собравши свои силы, загораживали ему дорогу. Тогда он вступал в переговоры и покупал себе право прохода золотом, в противном случае пробивался силой. Так, без особых затруднений совершил он эту часть своего пути и к началу сентября достиг берегов Роны.

Глава IV

ПОХОД НА ИТАЛИЮ

Новая война с Карфагеном в ее начале казалась для Рима совсем не тем предприятием, каким она стала представляться позднее, каким она представляется теперь нам, знающим, во что она превра-

лась на самом деле. Рим не готовился к тому чрезвычайному напряжению, какое потребовалось от него потом, Карфаген был для него не страшным, однажды уже побежденным противником. В то время, как Аннибал, преодолевая одно препятствие за другим и стараясь выиграть время, подвигался к цели, военный механизм республики приходил в движение медленно и тяжеловесно. Два консульских войска, формировавшиеся в Риме, представлялись обычным нормальным контингентом для большой войны, которая, однако, совершенно не шла в сравнение с недавними усилиями Италии против нашествия кельтов. Предполагалось, что война будет колониальной, подобно первой войне из-за Сицилии, а также подобно той, которую, правда в гораздо меньшем масштабе, только что закончили в Иллирии. К тому же еще недавно в Риме верили, что спор удастся уладить в желательном смысле одним дипломатическим вмешательством, и это настроение еще не успело смениться общим боевым духом и единой волею к победе.

Чтобы верно представить себе, как отзывалась война на жизни народа, как он сам отзывался на войну, мы не должны переносить условия нашего времени в ту эпоху и в ту среду. Военные события приобретают необычайную значительность и яркость вследствие того, что мы отвлекаем их от всех прочих, происходивших одновременно. На самом деле их настоящее место в массе остальных явлений

жизни мы постигнем лишь тогда, когда, так сказать, растворим их в том пространстве и времени, в пределах которых они совершались. На протяжении сотен верст расстояния и месяцев или годов времени они имеют совсем не то значение и вес, какое придает им наше воображение, когда мы мысленно воссоздаем их в течение получаса и изображаем на страницах короткого рассказа. Тогда нам станет ясно, что современники не могли понимать их, как понимаем мы, и отзываться так, как казалось бы нужным нам с нашей точки зрения. Поход Аннибала до Италии длился месяцы. В нашей мысли мы одновременно держим все моменты этого похода, и в своей близости, связности и цельности они представляются нам грандиозным жестом актера в начинающейся трагедии, который держит в напряжении и ожидании нас в нашем зрительном зале. Но в Риме этот поход вызывал совершенно иную реакцию. Здесь о нем пока еще даже и не знали. С момента возвращения посольства, жизнь в общем шла своим обычным порядком, после зимних непогод Италия согревалась на солнце, и население выходило в поле, принималось за свои весенние работы. Войны не было. Ее нигде пока не чувствовали, кроме как в складах и арсеналах, где шли приготовления, на сборных пунктах, куда сходились призванные в войска, да в самом римском сенате, где шли толки, строили предположения и ожидали известий. В отличие от нашего времени, война тогда не захватывала

всего общества, не изменяла в корне всех условий его жизни. За исключением тех, кто отправлялся в поход, все остальное население продолжало свою обычную жизнь, лишь от времени до времени выслушивая сообщения об успехах или неудачах своего оружия. Только при таких условиях и при таком характере войн была возможна их поразительная длительность в те времена. За исключением коротких моментов большого напряжения, выбивавших общую жизнь из колеи, эти войны не задевали организм общества так глубоко и болезненно, как теперь.

Война была уже объявлена, проходили недели, а дело не двигалось вперед дальше приготовлений. После того как один из консулов, Семпроний, отбыл на юг, в Сицилию, откуда предполагалось нападение на Африку, а другой, Сципион, собирался отплыть на север вдоль побережья, направляясь к Испании, пришло известие о переходе Аннибала через Эбро, первое известие о действиях врага. Для римлян оно означало, что Аннибал уже начинает завоевание северной Испании и что, быть может, он успеет закончить его раньше, чем консул Сципион прибудет туда с армией. Надо было спешить, но тотчас вслед за первой пришла вторая весть, гораздо более тревожная. В новой провинции, недавно учрежденной в долине реки По, поднялись кельты. Сюда после объявления войны были отправлены под начальством претора два легиона, которые вместе с стоявшими

здесь гарнизонами должны были держать в покорности едва замиренное воинственное население во время отсутствия из Италии обеих армий консулов. Движение оказалось неопасным и скоро улеглось, но последствия его стали роковыми. Часть своей армии Сципиону пришлось отдать для отправки в цизальпинскую провинцию, а самому еще остаться в Риме для производства нового набора. Таким то образом случилось, что, сделав путь вдоль берегов Италии и через Массилию достигнув устьев Роны, он застал здесь известие, что Аннибал давно оставил Пиренеи позади себя, а тотчас вслед затем узнал, что он уже стоит на правом берегу Роны в четырех днях пути от ее устьев. Поспешно высадил он на берег свою армию, но раньше чем выступить в поход на север, надо было дать людям и лошадям отдых от морской качки. Только через два-три дня он отправился в путь, выслав вперед на разведку отряд конницы в триста человек.

Но пока совершались эти сборы, Аннибал уже приступил к переправе через реку. Серьезное препятствие представляла не только ширина и стремительность реки, но в особенности то, что часть окрестного племени, собравшись и укрепив лагерь на противоположном берегу, собиралась оказать решительное сопротивление. Времени на переговоры терять было нельзя, так как Аннибал прекрасно знал, что чем ближе к Альпам, тем более росла вероятность, что его присутствие будет открыто

начальником римской армии, движущейся в Испанию встречным, хотя и иным путем. Если бы случилось так, что весть о его близости дошла до консула раньше, и он успел бы занять позицию перед переправой, то дело приняло бы совсем иной и весьма невыгодный для карфагенян оборот.

Переправа была выполнена быстро и почти без потерь благодаря искусно задуманному и проведенному маневру. Пока армия приготовляла барки и лодки, небольшой отряд испанской конницы в одну ночь поднялся вверх по берегу к месту, где острова разбивали ее русло на несколько частей, и уже на следующее утро перешел на противоположный берег. После одного дня отдыха конница пустилась обратно к месту переправы и, зайдя в тыл противнику, зажгла костер и огромным столбом дыма дала знать Аннибалу о своей близости. По этому сигналу переправа началась. Солдаты в лодках, причем всадники держали в поводу плывущих рядом лошадей, направились к противоположному берегу, готовясь схватиться с ожидавшим их врагом и ободряя друг друга криком. Но в то же время конный отряд испанцев уже зажег лагерь и напал на кельтов с тыла. После первого же натиска с двух сторон они разбежались, затем переправа продолжалась спокойно, и ночь застала всю армию, кроме слонов, на противоположном берегу. Уже на следующий день Аннибал получил весть о высадке римлян у устьев Роны и немедленно выслал пятьсот нумидийских всадников

произвести разведку на юг. Пока со всей поспешностью сооружали особые плоты для переправы слонов, Аннибал собрал свою армию на сходку и представил ей послов цизальпинских кельтов, как будущих союзников и проводников через альпийские проходы. К вечеру прискакали обратно нумидийцы, которые уже успели сразиться с римской конницей и, понеся большой урон, уступили ей поле сражения. Вслед за ними показались и римские всадники, но только издали взглянули на стоянку карфагенян и снова скрылись. Было ясно, что до прибытия главных сил римлян осталось ждать недолго. На следующий же день пехота Аннибала двинулась на север, всю конницу он выслал на юг в качестве заслона против римлян, а сам остался, чтобы руководить переправой слонов. Через несколько часов она была окончена, конница присоединилась к Аннибалу и в качестве арьергарда направилась к северу вслед за слонами, догоняя значительно продвинувшуюся вперед пехоту. Когда спустя три дня к месту переправы прибыл Сципион, он застал здесь только пустую стоянку карфагенян.

Завеса, скрывавшая будущее, действительное, а не то, какое предполагали в Риме еще недавно, впервые приподнялась перед Сципионом. Известия и события, одно другого неожиданнее, следовали друг за другом в течение каких нибудь десяти дней. Итак, противник не стал ждать его в своей провинции, он уже заходил ему в тыл и собирался про-

никнуть в самое сердце его родины. И все же Сципион еще отказывался верить. Его присутствие заставило Аннибала, уклонявшегося пока от встречи, уйти на север и искать другого пути в Италию, чем был намечен ранее, через более трудные проходы, где его ждали нападения многочисленных и вероломных горцев. Хотя все, свершенное им до сих пор, уже заставляло Сципиона угадывать, с каким противником он имеет дело, все же вероятность перехода через Альпы представлялась ему сомнительной и не могла служить основанием для полной перемены собственного плана. Вот почему Сципион принял решение, которого последствия оказались в конце концов спасительными для Рима. Как ни уступал он Аннибалу, как полководец, это решение делает большую честь его присутствию духа и дальновидности. Сципион понял, что даже в случае успеха Аннибала в Альпах, необходимо было не отказываться от собственной инициативы; он понял, что при сложившемся положении Испания являлась базой Аннибала, которая впоследствии сможет поддержать его в борьбе с Италией. Необходимо было напасть на эту базу и разрушить ее даже перед лицом непосредственной и близкой угрозы Риму. И Публий Сципион отправил в Испанию всю армию, дав ей в начальники своего брата Гнея, а сам лишь с небольшим отрядом поспешил домой, чтобы во главе находившихся там сил встретить Аннибала у подножия Альп.

Между тем Аннибал продолжал свой путь на север вдоль Роны. В месте, где в нее вливается Изара, начинается область аллоброгов. Аннибал застал это племя в состоянии междоусобия. Два брата спорили между собою из-за власти, и оба звали его к себе на помощь. Вмешательство Аннибала тотчас решило дело в пользу старшего, и наградой за поддержку было щедрое снабжение карфагенской армии всем необходимым для похода, в особенности теплой одеждой. Признательный князь, кроме того, провожал армию Аннибала некоторую часть пути, прикрываяя ее своим отрядом от нападения горцев.

Благодаря появлению римской армии на нижней Роне Аннибалу пришлось отказаться от той дороги, которая была намечена им раньше, и для которой у него имелись проводники, и искать новый путь значительно севернее. Его армия в течение десяти дней шла вверх по долинам рек, среди предгорьев Альп, чтобы достигнуть главного массива. Первое время путь был ровен и не представлял затруднений, но по мере того как увеличивался подъем, местность становилась суровее, а все окружающее поражало солдат своей необычностью. Когда же армия подошла вплотную к главному хребту, жуткий страх охватил этих людей при виде необычайного зрелища. Всего неделю тому назад в долине Роны они покинули теплое лето, а здесь на достигнутой высоте на них повеяло холодом еще никогда не-

испытанной ими зимы. Загроможденные снегом и льдами вершины, сливались в одно с тяжелыми, сумрачными облаками, и людям казалось, что чтобы перейти горы, нужно карабкаться на самое небо. Кругом — голые скалы, животные, окоченелые от стужи, жалкие хижины диких и угрюмых горцев — все наводило уныние и страх на этих сыновей юга, впервые встречавших снег, лед и холод. Но возврата не было, нужно было итти вперед, и они шли. Пятнадцать дней длилась эта борьба со льдом и снегом, с крутыми подъемами и еще более крутыми спусками, с недоеданием и бессонницей, с собственным страхом, с паническим ужасом коней, вьючных животных и слонов, и сверх всего этого с коварными нападениями окружающих горцев. На первом перевале путь оказался заперт враждебным отрядом. Овладеть им было невозможно, положение представлялось безвыходным. Выход был найден благодаря сметливости Аннибала. Узнав через своих кельтов, что горцы на ночь покидают проход и снова занимают его только на рассвете, он хитростью предупредил их и дал своей армии возможность пройти. С большими потерями, но тем не менее опасность была избегнута. В другом месте армия чуть не погибла, доверившись туземцам, которые сначала притворились друзьями, а затем напали на нее в трудный момент перехода. Только осторожность Аннибала предупредила катастрофу, но одну ночь ему пришлось провести без конницы

и вьючного обоза в страхе за их судьбу. Достигнув вершины, уже видя перед собою равнины Италии, армия натолкнулась на новые трудности при спуске. Целый участок дороги, лепившейся вдоль крутого обрыва скалы, оказался как бы смытым недавним обвалом лавины. После безуспешной попытки обхода пришлось все же вернуться и проложить новую дорогу на место разрушенной. Несколько дней продолжался спуск, на котором армия потеряла не меньше людей, лошадей и скота, чем при подъеме. Но все в мире имеет свой конец, и та часть армии, которой суждено было уйти от смерти, на пятнадцатый день расположилась лагерем у подножия Альпийской стены.

Воображению современников и ближайших потомков переход Аннибала через Альпы казался столь необычайным подвигом, что его старались объяснить чудодейственным вмешательством божества. Путь через Альпы не раз совершали до него полчища кельтов, но то были стихийные, а не организованные движения, они направлялись не волею одного вождя, но инстинктом массы, подобным тому, который толкает вперед стаи саранчи. Двигались людские потоки, их части исчезали в пропастях, но спускаясь в равнину, они оставались такими же потоками. Переход Аннибала впервые был решением стратегической задачи. В своих руках он нес сложный аппарат, который нужно было сохранить во что бы то ни стало, ибо преодоление природного

препятствия было не целью, а лишь первым приступом к ней. Цель — римское оружие — ждала по ту сторону хребта, но чтобы ее достигнуть, нужно было уже теперь перейти бездну смерти. Какой дух, какую волю надо было и вождю и его людям, чтобы вынести испытание! Тая в числе, теряя силы и средства, они шли на борьбу, которая еще целиком лежала впереди. Переход через Альпы является подвигом, который один мог бы прославить Аннибала и его армию на вечные времена.

И тем не менее все трудности, превзойденные до сих пор, были ничто в сравнении с теми, которые предстояли в будущем. Благодаря необходимости выбрать иной путь через Альпы, а не тот, который был подготовлен раньше, путь незнакомый и опасный, Аннибал привел с собою гораздо меньшую армию, чем мог рассчитывать вначале. Около половины пехоты, четверть конницы и почти все слоны погибли в схватках, или были погребены под снегом. Лишь двадцать тысяч пехотинцев и шесть тысяч всадников спустились в долину По. И эта армия теперь стояла лицом к лицу с обширной, сплоченной страной, которая еще недавно сумела выставить против врага семьсот тысяч человек, способных носить оружие! Если сравнить силы и средства обеих сторон, все предприятие Аннибала должно бы казаться безумием.

К тому же его армия была истомлена до крайности, люди и лошади страдали от вынесенных ли-

шений и холодов, и можно было ожидать, что прежний дух ветеранов будет сломлен невероятным напряжением моральных и физических сил. А между тем предстояла борьба немедленная и тяжелая, предстояло завоевать себе свободное пространство, добыть продовольствие в областях, где находились римские крепости и легионы, которые конечно не станут ждать, чтобы напасть на врага, пока он еще не оправился и не набрался сил. И одновременно с борьбой предстояло организовать союз с кельтами, союз, правда, предвиденный, игравший важную роль в расчетах, но еще далеко не осуществленный.

Вся сила Аннибала заключалась в нем самом. Однажды приняв решение, он не оглядывался назад. План первых действий он построил на психологии воюющих сторон и он продолжал развивать его на той же основе. Он знал, что голой силе римских легионов, рутине их вождей он может противопоставить свое искусство и незнакомую противнику тайну военного маневра, самоуверенности Рима— порыв к победе и мужество отчаяния своих ветеранов. Аннибал принадлежал к тем натурам, которые в смертельной опасности обнаруживают свои лучшие силы и на краю гибели вернее всего находят путь к спасению.

Для его армии спастись значило только победить. Только проникновением в эту идею всего существа каждого солдата можно объяснить поразительные события, разыгравшиеся в долине По в ближайшие

недели. Через несколько дней передышки после Альп Аннибал взял и разграбил столицу соседней области таврinов, отвергнувших предложение дружбы. Этот внезапный удар немедленно привел к покорности соседних кельтов, а затем Аннибал уже шел быстрым маршем через земли своих союзников, инсубров, направляясь к самому сердцу области, где находились поля римских поселенцев, и где, как он был уверен, он отыщет легионы. Но и консул Сципион, успевший за это время от устьев Роны вернуться в Италию и стать во главе армии, не был намерен ждать, пока неприятельская армия оправится и наберется сил. Как ни был он изумлен тем, что невероятный, невозможный в его глазах переход Альп удался Аннибалу, как ни смущала его мысль о том, какому противнику он идет навстречу, обычная гордость римлянина не позволяла ему ни на мунуту сомневаться в успехе. На северном берегу По, несколько западнее ее притока Тицина встретились обе армии. Сражение завязалось случайно; вышло так, что оба полководца, одновременно выступили из своих лагерей на кавалерийскую разведку и наткнулись друг на друга. Из всех видов оружия как раз конница у Аннибала была сильнейшим, напротив у римлян она была слабейшим видом, и по качеству, и по числу. Такое совпадение было огромным счастьем для Аннибала, ибо в его положении от первого успеха или неудачи зависело почти все будущее. Стойкость и мужество римского солдата

были без труда сломлены числом и бо́льшим искусством противника. Обходное движение нумидийцев решило дело, и поле битвы осталось за Аннибалом.

Успех поднял дух армии и сильно подействовал на соседних кельтов. Но такой частичной битвы для Аннибала было еще слишком недостаточно. Ему нужно было очистить всю область от римской армии, завоевать простор для своих будущих движений и организовать все средства для дальнейшего похода, раньше чем римляне успеют повернуть весь свой фронт против него. А между тем раненый в сражении консул успел увести остатки конницы и всю свою нетронутую пехоту под прикрытие крепостей и в конце концов занял удобную позицию на южном берегу По, неподалеку от колонии Плацендии. Отсюда он мог спокойно наблюдать движения Аннибала, своим присутствием мешая ему пройти дальше на восток в более богатую и населенную часть равнины, и в то же время не позволяя кельтам решительно стать на сторону его врага. Он знал, что своевременно извещенный им сенат уже принял меры против внезапной опасности на севере, что его товарищ по консульству Семпроний, отложив пока свое собственное нападение на Карфаген, уже ведет на помощь свои легионы. Если первоначальный его план сломить противника у самого подножия Альп не удался, то вывод отсюда для него был один: теперь необходимо было принять новый план, обратный первому. Необходимо было, опираясь на

огромное превосходство материальных средств, держать противника запертым в западном углу равнины и, уклоняясь от битвы в открытом поле, одним присутствием сильных армий не дать ему продвинуться на восток и захватить провинцию. Так можно было истощить энергию его превосходной армии, истощить терпение кельтов, и в конце концов уничтожить Аннибала, не дав ему даже проявить свой гений в настоящих военных действиях.

Если бы этот план был выдержан до конца, все предприятие Аннибала, быть может, уже к весне потерпело бы крушение. Сам он не хуже консула понимал его правильность, но в то же время знал, что в жизни и в особенности на войне ничто не идет последовательно и по прямой линии, и что действовать значит не только строить планы, но прежде всего уметь использовать выгодные комбинации постоянно колеблющихся отношений. В ожидании новых возможностей он старался дразнить врага, появляясь у его лагеря, и в то же время наилучшим способом использовать все средства той пока еще небольшой области, которую ему удалось завоевать до сих пор. Кельтскими отрядами он усилил армию, в особенности кавалерию, свое главное орудие для маневрирования. Опасаясь слишком напрягать средства новых союзников доставкой продовольствия, он постарался захватить укрепленные римские склады. И в то же время он зорко следил за настроением кельтов, которые в неведении буду-

щего пытались играть двойную игру и, даже перейдя на его сторону, снова завязывали втайне переговоры с римлянами.

В начале декабря наступила перемена. Прибытие Семпрония со второй консульской армией удваивало силы Рима. Но гораздо более, чем этих сил, Аннибал боялся плана, принятого Сципионом. Однако опытный глаз полководца скоро показал ему, что в римском лагере вместе с появлением нового командира стали обнаруживаться новый дух и новое настроение. Нумидийцы уже не смели рыскать кругом, боясь подвергнуться нападению неприятельского отряда. В самом деле, с прекращением единства командования, линия поведения римлян заколебалась, и в их военном совете началась борьба противоположных мнений. Семпроний явился на север не для того, чтобы оставаться в бездействии. Срок консульства истекал, а его командование не ознаменовалось ни одной битвой. Уступать поле сражения врагу, хотя и предприимчивому, но гораздо более слабому, было для Рима позором. Наконец испытывать терпение кельтов было опасно, ибо бездействие римлян, в конце концов, могло быть принято за признание в собственной слабости. Таковы были аргументы пылкого консула, и в глазах военного совета и армии они имели более веса, нежели осторожные советы его товарища, который был ослаблен болезнью и казался запуганным постигшей его неудачей. Постепенно колебания мнений превратились в реши-

мость действовать, которая после одного случайного успеха конницы против нумидийцев привела Семпрония к нетерпению и опрометчивости. На этом настроении консула Аннибал и построил свой план победы.

В одно холодное декабрьское утро, конный отряд нумидийцев, перейдя в брод Требию, разделявшую оба лагеря, появился у окопов римлян, вызывая их на битву. Семпроний, готовый сразиться во всякую минуту, тотчас выслал конницу и, пока завязывался бой, стал постепенно выводить всю остальную армию. Конница без труда теснила к реке нумидийцев, а когда те бежали на противоположный берег, бросилась вслед за ними. В это время Семпроний уже вел к реке всю армию. Накануне прошел дождь, река поднялась, и при переправе пехоте приходилось погружаться в холодную воду по грудь. Перед выступлением солдаты были только что вставши, не успели поесть, и теперь выстраивались в боевой порядок, дрожа от холода, промокшие и голодные. Между тем в карфагенском лагере трещали костры, голые воины грелись перед ними, натирали тело маслом и затем завтракали. Римляне были еще далеко, их сдерживали отступавшие нумидийцы, а много впереди лагеря уже стоял восьмитысячный отряд легких копейщиков и балеарских стрелков. Затем вся армия, сытая и бодрая, выстроилась в полутора версте перед лагерем в обычном порядке, пехота в центре, конница на флангах. Также и римская армия

уже собралась в одну плотную массу, и ее ряды медленным, но уверенным шагом пошли навстречу неприятелю. Ее пехота значительно превосходила числом карфагенскую, но конницы у Аннибала было почти втрое больше.

При первой же схватке карфагеняне почти повсюду взяли верх. Римские легковооруженные, утомленные утренним боем с нумидийцами, в котором они выбросили большую часть дротиков, были легко сбиты копейщиками и балеарцами Аннибала. Карфагенская конница подавляющим числом опрокинула римскую и погнала ее назад к реке, а в то же время охватила и фланги тяжелой пехоты, стойко и мужественно сражавшейся в центре. Только здесь римляне имели некоторый успех. Их первые ряды даже прорвали линию противника, но этот частичный перевес остался бесплодным. Повсюду конница гнала и избивала римлян, и наконец двухтысячный отборный отряд карфагенян, выйдя из засады, заблаговременно устроенной Аннибалом, ударил римским легионам в тыл. Сражение разбилось на несколько отдельных схваток; римские отряды, теснимые со всех сторон, пытались пробиться к реке. Только корпус легионеров, с самого начала прорвавший в центре карфагенскую пехоту, вышел вперед в свободное поле в числе десяти тысяч солдат. Не зная, что предпринять, видя позади себя смятение и беспорядок, этот отряд ушел вперед и не преследуемый никем достиг Плацентии. Туда же укрылась мелкими груп-

пами и в одиночку часть беглецов, пользуясь наступлением ночи и разразившейся к вечеру непогодой. Остальные погибли или попали в плен, либо на поле сражения, либо у реки, пытаясь выбраться на противоположный берег. Лишь немногим удалось достигнуть лагеря. Истомленные боем, но радостные вернулись назад солдаты Аннибала, торжествуя первую большую победу.

Впервые после перехода Эбро Аннибал мог вздохнуть свободно. Римской армии, если не считать остатков, спасшихся от поражения, более не было в провинции, новая армия не поспела бы сюда ранее весны. Оставалось достаточно времени, чтобы организовать отношения со всеми племенами области, получить от них подкрепление и продовольствие и приготовить свою армию к весенней кампании. Разбитые легионы укрылись за укреплениями Плацен-ции и Кремоны. Через некоторое время они покинули эти крепости и отошли к Аримину, где должны были присоединиться к армиям новых консулов, уже выбранных в Риме. Колонии предоставлялись собственной участи и защите их гарнизонов. Как остров во враждебном море, они оставались теперь последним следом римского владычества среди области, перешедшей на сторону Аннибала. Однако он не мог тратить время и силы на их завоевание. После семи месяцев трудов и напряжения армия нуждалась, наконец, в отдыхе, а урок Сагунта говорил ему, какие неожиданности может принести осада, в ко-

торой он боролся бы с защитниками, только что доказавшими свою отвагу и стойкость даже среди поражения.

У Аннибала было и без того достаточно дела и забот. Имея теперь близкую и достаточно обширную базу, он мог по наступлении весны начать вторжение в собственную Италию. Он обдумывал план этого вторжения и заранее подготовлял почву для борьбы. До пределов римской области было еще далеко. Со всех сторон она была защищена землями союзников, и их то он хотел привлечь на свою сторону подобно тому, как это удалось с кельтами долины По. Но до сих пор из этих земель к нему навстречу не доносился ни один голос, не присылалось ни одного приглашения. Вскоре после Требии Аннибал призвал к себе всех пленных союзников, которых держали отдельно от римлян в хороших условиях, и, обратившись к ним с ласковыми увещаниями и предложениями дружбы, отпустил на родину. Аннибал тем более стремился к новым местам и искал новых возможностей, что кельты не внушали ему больших надежд. Полу-варвары, беспокойные, неспособные к прочным обязательствам, они перешли на его сторону не для того, чтобы вместо римлян навязать себе нового господина, не для того, чтобы отдавать средства своей страны на содержание его армии. Ее присутствие и продовольствование стесняли их и вызывали раздражение, которого они, конечно, не смели показывать. Кельтская молодежь примкнула

к войску Аннибала, чтобы итти вперед, разорять и грабить чужие области, и не хотела сидеть дома в праздности. Но двинуться вперед Аннибалу мешала зима, необходимость дать отдых своим солдатам и насколько возможно, приготовиться к походу. Аннибал с нетерпением ожидал весны.

Глава V

ТРАЗИМЕН И КАННЫ

В течение трех последних месяцев Рим несколько раз переживал смену тревоги и надежды. Известие о переходе Аннибала через Рону сначала подействовало ошеломляюще; сенат тотчас же принял меры, отсрочив экспедицию Семпрония против Карфагена и приказав ему немедленно перебросить армию на север. Но вскоре первое впечатление миновало, и вид проходивших через Рим отрядов консула успокоил население. Жизнь вошла в колею, прежняя уверенность вернулась и, пока на севере враждебные армии готовились померяться силами в бою, в Риме снова обратились к вопросам политики и форума. Среди горячих споров прошел закон, ограничивавший торговые операции членов сената, и сторонник этого закона, покровитель сельского плебса и популярный завоеватель цизальпинских кельтов, Гай Фламиний, был выбран одним из консулов.

Тем неожиданнее и сильнее подействовала весть о поражении при Требии. Как ни старался его виновник умалить несчастие, действительное положение вещей скоро стало ясно. Провинция была потеряна, Италия в опасности. Кроме возможности вторжения с севера, приходилось бояться появления врага у берегов на юге. В Сицилию, Сардинию и Тарент были немедленно посланы гарнизоны, снарядили еще одну большую эскадру, был объявлен новый набор для консулов. Рим наконец встрепенулся; всего более он был страшен, когда чувствовал приближение грозы.

Все эти приготовления, шли с лихорадочной поспешностью, и к концу зимы две армии, одна в Аримине, крайнем пункте северо-восточной Италии, другая у Арреция, в центре Этрурии, уже были готовы начать новую кампанию. Быть может, они сами двинулись бы дальше на освобождение провинции, если бы Аннибал не предупредил их. Уверенность в победе не исчезла и теперь, и армия Фламиния, стоявшая пока в Этрурии, вселяла особенные надежды. Вместе с оружием солдаты несли цепи для будущих пленников, и целые толпы скупщиков и спекулянтов пристали к ней, чтобы за низкую цену тотчас после битвы приобрести себе рабов и поживиться будущей добычей.

Но и Аннибал принял свои меры. Конечно, все приготовления Рима не остались для него тайной. Он понимал, что новую кампанию провинция не вы-

держит, что появление римских армий опять заставит колебаться и без того мало надежных кельтов. Если бы легионы успели вступить в их область и здесь держаться, уклоняясь от битвы, согласно прошлогоднему плану Сципиона, его несомненно ждала катастрофа. Поэтому во что бы то ни стало необходимо было немедленно перенести операции в новую область, на юг. Но армия Сервилия загораживала прямую военную дорогу в Этрурию через Аримин, и было неизвестно, сколько времени могло понадобиться, чтобы форсировать ее. Так, трудное положение заставило Аннибала еще раз искать выхода там, где никто его не подозревал, и где лишь он был способен его найти. Он снова обратился к своему самому верному оружию — психологическому воздействию на врага. Внезапно появиться, где его менее всего ждали, расстроить все давно обдуманные планы и расчеты, спутать карты и этим вызвать на опрометчивость и ошибки — таковы были его главные средства и на этот раз. Но принимая свое решение, он знал, какую игру он начинает, и какой конец ждет его в случае неудачи.

При самых первых признаках весны он уже покинул зимние квартиры. Оставив на месте излишний обоз, он выступил в поход и, покинув большую дорогу, ведущую на Аримин, направился проселочными путями на юг через Апеннины. После Альп этот хребет не представлял трудностей. Но вся задача заключалась в том, чтобы пройти долины рек

в момент весеннего разлива и низкие места, превращенные в болота. Это был новый страдный путь, подобный Альпам, но в обратном смысле. В течение четырех дней и трех ночей один за другим двигались отряды почти без сна, лишь короткое время отдыхая на сухих кочках и на трупах гибнувших животных. Ужасно страдали все, в особенности кельты, шедшие вторыми по уже истоптанной и вязкой дороге. Но сзади их подгоняла конница. Погибло много людей и вьючного скота, а строевые лошади болели ногами и даже теряли копыта. Сам Аннибал страдал не менее других, хотя и пользовался в дороге единственным еще оставшимся у него слоном.

На пятый день армия выбралась наконец из болот. Но в каком виде! Уже на неуютной зимовке в провинции в палатках и шалашах люди страдали от холода и сырости, а переход через болота еще более истощил их. У многих солдат и лошадей появились признаки недуга, который называли голодной коростой, сам Аннибал в болотах схватил глазную болезнь, которая от отсутствия своевременного лечения ухудшилась и, в конце концов, навсегда лишила его одного глаза. Но все же он достиг своей цели и неожиданно для римлян появился в тылу их армий, как будто бы угрожая той, которая еще стояла у Арреция под командой Фламиния, воображавшего, что его противник где то далеко на севере.

На самом деле он был близко и явно смеялся над консулом. Дым пожаров, толпы жителей, разбе-

гавшихся во все стороны, обозначали путь Аннибала. Он быстро ориентировался в новой обстановке. Он знал о богатствах Этрурии, но понимал, что эти сокровища пока не для его солдат. Ему был известен горячий, опрометчивый характер консула, он видел, что перед собою он имеет не просто полководца, но вождя партии, для которого победа была вопросом политической карьеры. К тому же со своею армией, в которой добрая половина солдат страдала от слабости и болезни, он не мог предложить консулу сражение в открытом поле. Дав людям короткий отдых и собрав все нужные сведения, он быстро обошел позицию Фламиния и бросился на ту дорогу, которая вела к Риму мимо Кортоны и огибала большое озеро, по имени Тразимен.

Все, что случилось, привело Фламиния в ярость. Он счел позором для себя, что богатая область союзников подвергается опустошению, ее жители теряют имущество и жизнь на глазах сильной и свежей римской армии, а противник проходит у него под носом и дерзает чуть ли не угрожать Риму, не обращая на него никакого внимания. Поспешно снялся он с лагеря и бросился в догонку Аннибалу, который успел опередить его на несколько дней пути и уже находился у Тразименского озера. Но Аннибал и не думал угрожать Риму. Вся его цель заключалась в том, чтобы увлечь за собою Фламиния, заставить его потерять хладнокровие и причинить ему урон, пользуясь местностью и, если окажется возможным, за-

садою. Аннибал пока сам убегал от Фламиния, боясь его свежей армии, и всю свою надежду возлагал на то, что опрометчивость противника сама даст ему удобный и счастливый случай. Несколько южнее Кортоны дорога покидает плодородную долину Кьяны и уходит на восток в гористую местность вдоль северного берега озера. В том месте, где она приближается к озеру, горы оставляют узкий проход, но дальше они отступают влево и, следуя параллельно берегу, образуют узкую долину, замыкающуюся в нескольких верстах впереди крутым холмом. Вдоль этой то долины, по направлению к холму шла дорога, окаймленная слева горами, справа берегом озера. Ее и выбрал Аннибал для первой встречи с консулом Фламинием.

Сравнительно с прошедшим годом роли удивительно переменились. Римский полководец искал сражения, Аннибал как будто уклонялся от него. Римляне смело двигались по равнине, догоняя карфагенян, Аннибал стремился покинуть открытые поля и укрыться в горах, где конница его была неприменима. По следам опустошения и столбам дыма впереди консул легко находил дорогу и все усилия прилагал к тому, чтобы настигнуть Аннибала как можно скорее. Он тоже собирал сведения об армии противника и знал, в каком плачевном состоянии она находится. К тому же уклончивое движение Аннибала подтверждало его предположения о слабости врага. Поэтому он шел вперед смело и

уверенно, и огромный обоз скупщиков и мародеров следовал за ним в ожидании скорой поживы. Переночевав у входа в долину, Фламиний утром следующего дня вступил в узкий проход между озером и горами. Густой туман покрывал долину и скрывал местность впереди. Между тем Аннибал уже накануне ночью сделал все свои приготовления на случай, если бы его ожидания относительно дальнейшего движения опрометчивого консула сбылись. Крутой холм в противоположном конце долины он занял своей тяжелой пехотой испанцев и ливийцев, за высотами, окаймлявшими долину слева и припиравшими ее к озеру он скрыл легких копейщиков, балеарцев и кельтов. У входа за холмами расположилась конница. Ловушка была готова, утренний туман растянул над нею свою завесу, и добыча попала в нее так слепо, как едва ли того ожидал сам Аннибал.

Без предварительной точной разведки, не видя хорошенько местность впереди и по сторонам, Фламиний провел свою армию через проход и вступил в долину. В то время, как последний отряд миновал дефиле, а авангард приближался к холму, занятому тяжелой пехотой Аннибала, тихая до тех пор местность огласилась шумом внезапно двинувшагося с высот неприятеля. Еще отряды римлян и их вождь не успели притти в себя от изумления, как карфагеняне уже напали на них спереди, с фланга и с тыла. Теснота, туман и паника не давали возможности

развернуться в боевой строй и то, что началось теперь, было не сражением, а бойней. Фламиний в центре тщетно пытался установить какой нибудь порядок в этом хаосе. Он был убит на месте, как и большинство его солдат. Те, кто пытались искать спасения в озере, тонули под тяжестью доспехов или под выстрелами с берега. Часть армии сдалась. Но то, что́ мог бы сделать с нею способный полководец, доказал авангард, который отразил удар испанцев и ливийцев с холма, сам перешел в наступление и в числе шести тысяч человек пробил себе дорогу вперед. Лишь на другой день этот отряд, не руководимый никем, был окружен конницей Аннибала и сдался в плен.

Вторично со́ времени своего появления в Италии Аннибал, оказавшись в критическом положении, вышел из него благодаря своему гению, но на этот раз благодаря также и необычайному счастью. В самом деле, как ни точно он учел характер и настроение Фламиния, он все же не мог рассчитывать наверняка, что засада при Тразименском озере по вине консула превратится в полную катастрофу римской армии. Античные и новые историки недоумевали, почему тотчас после победы Аннибал не двинулся на Рим, дорога к которому была открыта. Причина этого однако совершенно ясна. Стоит представить себе то состояние, в каком находилась его армия, и мы поймем, что такое предприятие, как нападение на Рим, ей было не по силам. Победа над Фламинием

доказывает гений и счастье Аннибала, но она еще не означает превосходства его армии, которой в создавшихся условиях выпало на долю не бороться с противником, а избивать охваченную паникой толпу солдат. Аннибал не только не мог итти на Рим, он должен был отказаться от соблазна остаться в Этрурии, богатейшей области страны, и грабежом ее сокровищ вознаградить своих солдат за понесенные труды и лишения. Будь это в его силах, владение Этрурией было как нельзя более заманчивым. С ее побережья можно было бы установить сообщение с Карфагеном, которого искал Аннибал, и которое как раз в это время становилось возможным, благодаря приближению карфагенской эскадры к Пизе. Укрепившись здесь, Аннибал находился бы по соседству с кельтской областью, откуда новые полчища наверно хлынули бы на юг, привлекаемые его успехом и добычей. Все это было соблазнительно, но неисполнимо. В Этрурии Аннибал оказался бы как в тисках среди стен многочисленных городов, для овладения которыми у него не было даже технических средств. К тому же с севера еще угрожала армия другого консула. Аннибалу нельзя было терять времени. Счастье еще раз улыбнулось ему. Узнав о вторжении в Этрурию, консул Сервилий решил итти на соединение с своим товарищем и выслал ему на помощь кавалерию. Однако, она явилась, когда все уже было кончено. Не успев во время уйти обратно, отряд был окружен и сдался в плен.

Покидая Этрурию, Аннибал, разрывал связь с своими единственными союзниками, кельтами, и отказывался от возможности кратчайшего сообщения с Карфагеном с западного побережья Италии. Он все дальше уходил также и от своей первоначальной базы, Испании. Но в его положении ничего другого не оставалось. На ближайшее время было необходимо как можно больше удалиться от Рима и от его армий, и для этой цели он выбрал менее культурные и реже населенные области Адриатики. Здесь он рассчитывал, пользуясь наступавшим теплым временем года, дать отдых усталым и ослабевшим и заняться лечением больных, в том числе и себя.

Чтобы понять деятельность Аннибала, как полководца, организатора и политика, мы должны учитывать условия быта, культуры и международных отношений, среди которых он жил. Для выполнения своей грандиозной задачи он не имел под руками тех средств, какие дает современным государственным людям наша более развитая цивилизация и во всех отношениях совершенная техника. Предпринимая борьбу, он не мог заранее подготовить всю совокупность средств, которые были необходимы, чтобы провести ее с начала до конца, не наталкиваясь на неожиданности и непредвиденные препятствия. Под Аннибалом не было той почвы, которую чувствуем под собою мы; эта почва — целая система технических приемов, выработанных нашей цивилизацией; она облегчает работу отдельного лица настолько, что

даже посредственность в наше время может играть крупную роль и возвышаться до исторического значения. Она ослабляет силу случайностей и позволяет лучше предвидеть даже детали всякого дела. То, что современный политик совершает механически и по шаблону, пользуясь готовым аппаратом, Аннибалу приходилось делать творчески, на свой манер, всякий раз с самого начала, черпая силы только из себя. Не обладая механизмом государственным, военным и дипломатическим, Аннибал основывался только на собственном опыте и гении, на своем знании людей, на вере, что в трудную минуту он сможет найти выход с помощью наличных средств. С точки зрения привычной нам практики, его поступки, поэтому, нередко могут казаться импровизацией, для нас недопустимой в вопросах такой важности, те положения, в которых он оказывался нередко, — результатом недостаточного расчета и даже слепоты. В действительности все это есть только следствие общих условий быта той эпохи. Напротив, умение Аннибала находить выход из труднейших положений свидетельствует о гибкости его ума, о страшной силе воли и настойчивости. Он строит всякий новый успех на предыдущем; теряя точку опоры, только что найденную с трудом, он тотчас находит новую среди новой ситуации. Ему много помогло счастье, но лишь потому, что он умел его ловить, умел использовать случай для успеха там, где всякий другой обратил бы его себе на погибель. Вслед за

изменчивостью положений он постоянно меняет тактику и место действия, бросает средства, на которых недавно он, казалось, строил весь расчет. Начиная войну, он думал лишь о решении первой очередной задачи. В новой обстановке в долине По он быстро ориентировался и с помощью кельтов преодолел следующий этап войны. Теперь свои дальнейшие планы он строил на вооружении против Рима италийских союзников, на помощи из Карфагена, на новой международной комбинации. Отныне он стал делать все, чтобы вызвать к жизни эти факторы. После Тразимена, как и после Требии, он дал свободу пленным италикам и уверив их, что он пришел бороться только против Рима, отпустил их по домам. Он не даром направился на восток к Адриатическому морю. Оттуда, хотя и более далеким путем, он выслал вестников в Карфаген с сообщением о своих победах и требованием помощи. Наконец, отсюда, с восточного берега Италии, он лучше мог следить за отношениями на востоке и искать там помощи и союза.

Никто не преследовал Аннибала в этом походе к Адриатике, никто не беспокоил его на новой стоянке. Армия отдыхала в благодатной, обильной продовольствием местности. Больные и ослабевшие восстанавливали свои силы, вина было так много, что в нем купали заболевших лошадей. Аннибал воспользовался этим временем, чтобы заменить пришедшее в негодность оружие своих солдат доспе-

хами, снятыми с убитых и взятыми у пленных после Тразимена.

В течение последующих месяцев война по внешности приняла характер затишья, на самом деле она представляла напряженную борьбу двух воль и двух методов. Под страшным впечатлением Тразименского погрома в Риме отказались от мысли об активном выступлении против Аннибала и вернулись к системе пассивного сопротивления, к той системе, которая еще в долине По была намечена Сципионом, но не удалась по вине его товарища. Посредством назначения диктатора военное командование сосредоточили в одних руках. На эту должность был выбран Фабий Максим, человек медлительный, тяжеловесный, не блестящий, но отличавшийся необычайным хладнокровием и силой воли. В тех местностях, где показывался неприятель, жизнь замирала. Города запирали ворота и приводили свои укрепления в состояние обороны. Жители поспешно угоняли свой скот и, по возможности захватив свое добро, укрывались в крепостях или уходили в горы. А римская армия, предводимая диктатором, держалась по близости к неприятелю, но не спускалась в равнину, а оставалась на высотах, следя отсюда за его движениями.

Аннибал перенес свою стоянку на юг, в равнинные и степные пространства Апулии, богатой хлебом и табунами лошадей; здесь он мог держать в исправности свое самое верное оружие, конницу, и в полной мере использовать ее на ровной местности. Он,

правда, очутился еще дальше от Рима и от сердца Италии, но он предпочитал, чтобы римская армия сама искала его здесь, в открытых местах. Но он ошибся в своем расчете. Диктатор упорно оставался на предгорьях Апеннин, и все попытки Аннибала раздразнить римлян и вызвать их на бой оставались безуспешны. За то его отряды, слишком неосторожно отдалившиеся от армии в поисках за продовольствием, нередко попадали под удары римлян, зорко следивших за движениями врага. Сначала Аннибал подвергал местности, по которым проходил, жестоким опустошениям и грабежам. Лишь укрепленные города оставались свободны от его посягательств. Затем ему самому пришлось щадить страну, чтобы находить себе продовольствие. Так шли недели и месяцы. Надо было думать о зиме. Наскучив хитрой игрою диктатора, Аннибал покинул Апулию, где осталось мало добычи для солдат, и совершил набег на богатую Кампанию, лежавшую на противоположном побережьи Италии. И здесь города заперли перед ним свои ворота. Разграбив открытые местности и нагрузив огромный обоз, он на обратном пути в Апулию едва не попал в ловушку, которую приготовил Фабий, следивший за ним и здесь. Только хитростью выпутался он из беды и пробил себе дорогу назад в те же открытые, равнинные места, где он решил провести зиму.

Был однако же момент, когда твердая линия римского командования дрогнула. Благодаря случайному

успеху начальника конницы Минуция в римском обществе и в армии снова воскресла надежда быстро покончить с Аннибалом. Партия нетерпеливых и горячих, не переставших считать выжидательную тактику диктатора ошибкой и позором, на время взяла верх, и Минуций получил равную власть с Фабием. Результат не заставил себя ждать. В сражении, на которое Аннибал выманил Минуция, последний едва не погиб, а его легионы понесли жестокий урон. Только быстрая помощь Фабия, предвидевшего, что́ должно случиться, спасла римскую армию от новой катастрофы. Урок не прошел даром. Все войска снова вернулись под команду диктатора, и прежняя система борьбы на истощение противника возобновилась.

Так прошли лето, осень и наступила зима. Почему за все это время Аннибал ни разу не сделал попытки приблизиться к Риму, или хотя бы вступить в пределы его области? Почему он почти все время оставался в северной Апулии и, после быстрого набега в Кампанию через Самний, снова вернулся сюда, чтобы обосноваться здесь надолго? Равным образом, он не пытался проникнуть и дальше на юг, в новые для него области Италии, где он мог бы найти добычу, легче снабжать свою армию, и откуда было бы удобнее наладить сношения с Карфагеном. Действия Аннибала в 217 и первой половине 216 года носят характер какой-то нерешительности. Отчасти такое поведение было навязано ему

тактикой Фабия, которую усвоило себе римское командование также и в первые месяцы следующего года. Вечное присутствие по соседству римской подвижной крепости не давало ему покоя и стесняло его. Часто, глядя с досадой на высоты, занятые неприятельскими окопами, он говорил: „Боюсь, как бы этот горный туман не разразился когда нибудь над нами бурей". Так, осторожность римлян заставляла и его быть осторожным. Не только нападение на Рим, но даже вторжение в его собственную область ввиду ее многочисленных крепостей, гористых мест и армии диктатора было ему не по силам. Уйти далеко на юг он тоже не мог, ибо этим он прервал бы соприкосновение с римской армией, которую он стремился разбить. Он ждал отпадения италиков, он тоже вел в своем роде борьбу на истощение. Но в течение уже более года надежда эта не сбывалась. Он ждал также помощи из Карфагена, куда послал известие о Тразименской победе. Но в Карфагене его сообщения и просьбы были встречены более, чем сдержанно, одушевление, возбужденное вызовом Рима уже давно успело пройти, и самое большее, на что отваживались его земляки, это морские набеги на берега Сицилии и Сардинии. Повидимому, здесь всецело усвоили себе мысль, что война должна вестись силами и средствами самого Аннибала и его провинции, где он оставил себе преемником брата. На то, что помощь из Испании придет рано или поздно, Аннибал не переставал

рассчитывать. Кроме того он имел ввиду еще один момент — поддержку с востока. Он знал о прежних трениях между Римом и Македонией, знал честолюбие и предприимчивость ее царя, Филиппа, но в то же время понимал, что раньше, чем в самой Италии чашка весов не склонится решительно на его сторону, Филипп не выступит. И потому он весь расчет построил на будущей победе над римской армией и старался продержаться и прокормиться как можно ближе к сердцу Италии и в то же время в местности, открытой и удобной для конницы, терпеливо принимая выжидательную тактику противника. Он видел, что и эта тактика имеет свою обратную, невыгодную для Рима сторону. Утомляя Аннибала, она все же позволяла ему существовать на почве Италии, держать Рим под угрозой вторжения и мучить правительство, народ и все население близких областей нервным напряжением и тяжкой неопределенностью. Таким образом, в этом состязании снова, как важнейший фактор, на первый план выступала психика обеих сторон. Аннибал не без основания мог рассчитывать, что напряжение, дойдя до крайности, снова подчинит военные вопросы соображениям политики и поставит их в зависимость от настроения и нервов римского плебса и его вождей. Но чтобы дождаться этого момента, какое мужество, какая вера нужны были полководцу и армии! Положение Аннибала было чрезвычайно тягостно. У него не было прочной и постоянной базы. Его власть и

возможности распространялись не на прочно завоеванную и организованную область, они ограничивались тем районом, в каком могли действовать его конница и легкая пехота, не слишком удаляясь от главных сил и не рискуя попасть под удары римлян. Аннибал со своею армией представлял в полном смысле слова кочующий отряд, которому чуть не всякий раз приходилось отвоевывать себе место для отдыха и для зимовки. Так, под внешностью затишья военных операций происходила борьба терпения и силы духа, и обе стороны одинаково тяжело страдали. Вопрос заключался в том, кто первый не выдержит и станет намеренно искать развязки.

Этим первым оказался Рим. Со времени Тразимена прошло более года, и тягостное впечатление разгрома мало-по-малу изгладилось. В армии, на форуме и даже в сенате всегда была партия, которая настаивала на решительных действиях, но чем дальше шло время, тем легче она могла привести основания, которые снимали с нее упрек в опрометчивости и ослеплении. Война на истощение, повидимому, не оправдывала ожиданий. Долгое пребывание неприятельской армии в Италии становилось все более несносным, дальнейшая медлительность и попустительство Аннибалу не находили оправдания. Сил было достаточно не только для борьбы на родине, но и для экспедиций в Испанию, куда послали подкрепления, и где дела шли успешно. Численного превосходства над Аннибалом можно было достиг-

нуть без особого труда. Со времени Тразименской битвы он не заявил себя ничем, кроме опустошений открытых местностей в землях союзников. Италики оставались верны Риму, и представлялось опасным и несправедливым подвергать их терпение слишком жестоким испытаниям. Аннибал казался слабее именно вследствие его зависимости от инициативы римлян, от их согласия или отказа дать битву в открытом поле. Таковы были доводы партии действия, и взгляды этой партии распространялись в обществе все шире.

Еще раньше, чем такое настроение успело сделаться господствующим, одним из консулов на следующий год был выбран ярый сторонник партии действия, Теренций Варрон. Постепенно общее движение захватило также сенат, и приготовления к решительному шагу велись в согласии между правительством и народом. Консулы послали своим заместителям при армии приказ следовать пока прежней тактике Фабия, воздерживаться от сражения, но в мелких стычках упражнять солдат и укреплять в них бодрость духа. Тем временем в Риме в еще небывалых размерах происходил дополнительный набор легионов и союзнических войск. Решившись на сражение, его предполагали дать с такими силами, о которые разбилось бы даже признанное искусство Аннибала.

Весною в Рим пришло известие, что Аннибал, стоявший до сих пор в окрестностях Ларина в северной

Апулии, против римской армии, ушел на юг. Стало известно также, что ему удалось внезапно захватить Канны близ реки Ауфида, продовольственный пункт римской армии, где хранились большие запасы, подвозившиеся из окрестностей. При растущем нервном напряжении в ожидании решительного момента, эта неудача казалась плохим предзнаменованием и подействовала удручающе, в особенности на союзников. Из лагеря сыпались запросы о том, что делать? Но новая армия уже выступила из Рима под начальством обоих консулов на соединение с действующей. Сенат и население провожали ее напутствиями и ободрениями, общие надежды сосредоточивались в особенности на консуле Павле Эмилии, прославившем себя недавним походом в Иллирию; его товарищ, Варрон, в военном деле был новичек. Близ Ларина консулы соединились с первой армией, и немедленно пошли на юг, как говорит древний историк, уже увлекаемые роком к месту будущей своей печальной славы, Каннам.

Еще никогда Рим не выставлял таких огромных сил, как в этот раз. Восемь легионов усиленного состава с вспомогательными войсками союзников должны были раздавить вдвое слабейшего противника. Никогда еще вся община не была в такой степени охвачена единым стремлением и единой надеждой, не тревожилась одинаковыми опасениями. В то время, как войска двигались в поле, остававшиеся дома были преисполнены томительного ожи-

дания близкой развязки, храмы не могли вместить молящихся о ниспослании победы. Но поистине роковым для Рима было то, что, вверяя свою судьбу воле небесных сил, республика не сумела вверить армию воле одного человека, который был бы свободен от давления нервной атмосферы, накоплявшейся давно и дошедшей теперь до апогея, который мог бы, не оглядываясь ни назад, ни по сторонам, направлять военные действия сообразно своему выбору и, не опасаясь ничьих нареканий и критики, спешить или выжидать. Движение карфагенян направляла единая воля Аннибала, движение Рима — слепая стихия массового настроения. Раз это движение началось, уже ничто не могло остановить его. Эмилий Павел ясно видел, что чем ближе армия подходит к Аннибалу, углубляясь в равнинные пространства Апулии, тем меньше становятся ее шансы на успех. Но возвращение или отсрочка были невозможны. Императив однажды принятого решения, стремление армии притти к какому бы то ни было концу, воплощенное в его товарище, Варроне, толкало армию вперед. Уже совсем вблизи от неприятеля римляне на пути подверглись нападению Аннибала, но счастливо отбили его. В тот же день вечером армия расположилась лагерем у реки Ауфида. Эмилий Павел предполагал не торопиться с битвой, укрепил лагерь, выслал часть армии на другой берег, где она тоже укрепилась, и всюду кругом расставил сторожевое охранение. Но смена

командования по очереди дало событиям иной исход. Его товарищ, Варрон, взял инициативу боя на себя.

В один из следующих дней с восходом солнца Варрон, сменивший Павла в командовании, отдал приказ переправляться через реку и выстраиваться на более ровной местности противоположного берега. Центр боевого строя заняла римская и союзническая пехота, причем Варрон, усиливая тяжесть ее натиска, увеличил глубину фаланги и сузил фронт, который при ее двойном количестве, сравнительно с противником, был и без того достаточно широк. На правом фланге, прикрываясь берегом реки, стала более слабая римская конница. Левый, свободный и потому более опасный фланг, заняла конница союзников, превосходившая римскую числом и качеством. Здесь же командовал сам Варрон, ответственный руководитель боя. Правый фланг он поручил Павлу, а центр проконсулам — Сервилию и Регулу; последний еще в прошлом году был выбран на место павшего в бою Фламиния. Это был обычный строй римлян, смотревших на сражение, как на открытый поединок сразу многих бойцов, сразу во многих местах, почти без общей связи отдельных отрядов, поединок, исход которого решался прямым встречным ударом, храбростью передних бойцов и тяжелым напором задних рядов пехоты.

Наконец-то Аннибал дождался своего дня! Впервые после многих месяцев вся римская армия становилась перед ним на широкой свободной равнине.

Аннибал не боялся ее огромного числа и презирал ее полководцев. Мощная, но неповоротливая, она должна была стать теперь верной добычей его быстроты, искусства и смелости маневра. Против густой массы легионов Аннибал растянул часть своей пехоты в тонкую цепь, звенья которой, чередуясь, составляли кельты и испанцы. Так линия его фронта сравнялась с глубоким и все еще широким фронтом римлян. Однако, цепь из кельтов и испанцев должна была быть гибкой, но не хрупкой, чтобы не разорваться раньше времени. В этом слабейшем и важном пункте строя стал сам Аннибал с своим помощником, братом Магоном, и отсюда он думал руководить всем боем. Растянутый центр был выдвинут вперед, а по обе его стороны, уступами назад, стали две колонны африканцев, лучшей пехоты армии, каждая числом в шесть тысяч бойцов. Наконец крайние фланги заняла конница: тяжелая испанская, под командой Асдрубала — у реки против римлян, легкая нумидийская, во главе с Анноном, справа против конницы союзников. Аннибал задумал маневр, который должен был парализовать превосходство сил противника.

После схватки легких передовых отрядов завязался бой главных сил, почти одновременно на всех пунктах. Легионы стремительно пошли в аттаку и прежде всего натолкнулись на цепь из кельтов и испанцев. Обороняясь и сохраняя порядок, цепь стала поддаваться назад, задерживаясь по краям и

прогибаясь в центре. Невольно применяясь к линии фронта, ряды римлян с флангов стали подаваться к центру, а в то же время начали развертываться обе фланговые колонны африканцев. Тогда первоначально выпуклая линия карфагенян стала превращаться в вогнутую. Заходя вправо и влево, обе фланговые колонны поворачивали фронт против римской пехоты, угрожая ей по всей глубине до задних рядов. Плотность строя, теснота пространства и недостаток самостоятельности манипул легиона лишали римлян возможности перестроением на флангах предупредить начавшийся обход. Но, чтобы он закончился успешно, центр должен был держаться до последней крайности. Неся потери и отбиваясь от наступавших римлян, он держался. Здесь стоял Аннибал. Но все зависело от конницы; для полного охвата римлян, пехоты было слишком мало. Эту последнюю задачу и выполнил начальник испанской конницы, герой этого дня, Асдрубал. Стремительной аттакой сбив римскую конницу в самом начале битвы, он повернул позади неприятельской пехоты, ушедшей вперед, и проскакав к противоположному краю поля, поддержал нумидийцев, сражавшихся с конницей союзников. Кавалерийский бой был решен, и Асдрубал обрушился на тыл римской пехоты. Охват ее со всех сторон был выполнен раньше, чем легионеры в центре успели прорвать линию испанцев. Задние ряды римлян пришли в смятение, которое парализовало также действие передних. Их натиск

остановился, а испанцы и кельты, в свою очередь, перешли в наступление. Римляне стали сбиваться к середине занятого их массою пространства. Стоявшие внутри были бессильны подать помощь отбивавшимся по внешней линии окружения. Теперь число и плотность строя не помогали, наоборот, мешали и губили. Римская армия все более превращалась в беспорядочную кучу людей, куда без промаха летели копья, стрелы и камни, в то время, как сжимавшееся кругом кольцо врагов без сопротивления рубило их наружные, совершенно расстроенные ряды. Когда на землю, наконец, спустилась ночь, семьдесят тысяч трупов покрывали поле сражения; среди убитых находились Эмилий Павел, проконсулы Регул и Сервилий, легаты и трибуны легионов, восемьдесят сенаторов. Спасся только герой этого рокового для Рима дня, Теренций Варрон. С семьюдесятью всадниками он ускакал с поля сражения и укрылся за стенами ближайшей крепости.

Глава VI

БОРЬБА ЗА ИТАЛИЮ

История Аннибаловой войны являет собою парадокс, и даже не один, а два. Первый заключается в том, что в начальном периоде войны Аннибал силами своей маленькой армии сокрушает мощь Рима

и бросает его на край гибели. Второй заключается в том, что, накануне последнего удара, он словно роняет меч из рук, а поверженный противник поднимается и в конце-концов вырывает у него победу. Уже современники изумлялись, почему тотчас после Канн Аннибал не захватил Рим, дорога к которому была открыта. В негодующей форме этот упрек бросил ему в лицо один из подчиненных командиров: „Побеждать ты умеешь, Аннибал, но не умеешь использовать победу!“ В промедлении Аннибала видели крупнейшую ошибку, в которой позже он будто бы сознавался сам, когда увидел ее роковые последствия. Мы думаем, однако, что Аннибал лучше, чем его подчиненные и его историки, чувствовал границу возможного, и что причины его конечной неудачи лежат не в единичном ложном шаге, но где-то гораздо глубже.

Нам нет необходимости рассказывать однообразные подробности последнего периода войны в Италии. Эта страница истории Рима хорошо известна каждому. Задача биографии Аннибала состоит в том, чтобы в событиях этого периода, часто темных и неясных, понять те цели, которые ставил себе Аннибал, и то усилие воли, которое он делал для их осуществления.

Почему Аннибал не пошел на Рим, когда, казалось, стоило нанести только последний удар, чтобы окончить войну? Ответить на этот вопрос теперь не трудно. За два года войны Аннибал имел воз-

можность изучить свойства военно-политической организации Рима и италийского союза. Легионы римских граждан и войска союзников не представляли единственную силу Рима, разрушение которой, хотя бы временное, превращало бы его в легкую добычу для противника. Каким бы драматичным для Рима ни казался нам момент после каннского разгрома, сущность положения республики не соответствует этой видимости. Взять укрепления Рима с налета для кавалерии Аннибала было не по силам. Для продолжительной осады у него не было ни технических средств, ни постоянной базы. До сих пор на почве Италии Аннибал ни единого клочка земли не мог назвать своим, а его обитателей друзьями. Чтобы только достигнуть Рима, необходимо было прорваться сквозь густую сеть латинских крепостей; чтоб осаждать его, было нужно прочно покорить широкое пространство вокруг. Правда, первое время новая сильная армия не преградила бы ему дорогу. Но он не встретил бы на своем пути только то, что мы привыкли называть мирным населением. Такого понятия Рим не знал. Всякий крестьянин, землевладелец и купец, даже не призванный в армию, был и оставался солдатом и защитником страны. Не только крепости, но и каждый удобный клочек земли в борьбе за Рим были бы препятствием и угрозой Аннибалу. Под самыми стенами столицы, занятый ее осадой, он был бы окружен отрядами, которые явились бы сюда с дру-

гих театров войны. Чтобы вести борьбу дальше Аннибалу нужны были иные силы и иные факторы, чем те, какими он обладал до сих пор. Победы в открытом поле должны .были вызвать их в самой Италии и привлечь их сюда с востока, юга и запада. То, что было в его силах, Аннибал свершил. Свершится ли то, что не зависело от них, — в этом заключался весь вопрос.

Сначала ответ казался вне сомнения. Каннское поражение послужило как бы сигналом к распаду италийского союза. Одна за другой италийские общины стали переходить на сторону Аннибала. Послы царя Филиппа, пробравшись среди гарнизонов и отрядов римлян, отыскали Аннибала и заключили с ним союз. В перспективе появилась высадка македонских сил на берегу Италии. Карфаген встрепенулся и обещал помощь. В Сардинии началось восстание, в Сицилии при сиракузском дворе зашевелились враги Рима. После истребления легионов, можно ли было думать, что Риму удастся послать подкрепление в Испанию и удержать Асдрубала от нового похода через Альпы на соединение с братом? Так складывалось положение для будущего, но жизнь, как почти всегда, обманула самые очевидные расчеты.

Италийский союз был страшно потрясен, но он распался только частью. Ни одна область целиком не перешла на сторону Аннибала, и всюду у римлян, рядом с изменниками, оставались верные друзья.

Из отпавших от Рима общин многие только уступали необходимости. Но даже и такое распадение союза не означало, что те силы, которые терял Рим, целиком и в полной мере доставались Аннибалу. Перед внешним миром Италия уже являлась в это время единым целым, но внутри союза Рим не успел еще стать центром и направителем жизни хозяйственной, национальной и политической. Союз еще не превратился в организм, в котором голова не могла бы жить без тела, а члены без головы и друг без друга. Союз был прежде всего сложением военных сил, притом не постоянным, а периодическим, по мере надобности, для определенной цели и на определенные потребностью сроки. Его распад отрезал от Рима многие части, лишил их обоюдной помощи и сообщения. Но и без связи с Римом его союзники не теряли ни жизнеспособности, ни силы внутреннего сопротивления. В центре и на юге полуострова, где теперь перемешались враги и друзья Рима, воскресла старая Италия, т. е. хаос маленьких республик и племен, в которых еще жили сознание своей особности, патриотизм, привычки самодеятельности, взаимное соперничество и вражда. Что же касается тех общин, которые переходили к Аннибалу, перемена внешняя означала для них часто революцию внутри. Война внесла в Италию брожение умов. Там, где оно прорывалось наружу и претворялось в действие, дело Аннибала находило благоприятную почву. Но вместе с тем, общины пе-

реходили к нему в состоянии расстройства. В них разгоралась классовая и политическая ненависть, начиналась жестокая борьба лиц и партий. Все, кто считали себя обиженными: непризнанные честолюбцы, темные авантюристы, беспокойная чернь — вот кто шел навстречу Аннибалу. Союз с ним начинал собою новый „порядок". Управление, финансы, суд, переходили в руки неопытных выскочек. Сводились старые счеты, возникали новые претензии, выступала на сцену корысть нынешних господ положения. Не борьба с Римом, а узкий местный эгоизм становился главным двигателем их жизни. Из этих общин, быстро шедших по пути к хаосу, Аннибал не получил бы помощи, если бы даже мог ее потребовать. Однако, ему и формально пришлось отказываться от принудительной поставки ими войск, ибо иначе условия нового союза оказались бы для них не более льготны, нежели условия прежнего союза с Римом. Участие в борьбе должно было зависеть каждый раз от их добровольного согласия. Во многих случаях, если не в большинстве, италики, переходя на его сторону, искали опоры не против Рима, далекого и более не страшного, но против близких соседей, старинных соперников, вражда с которыми, заглохшая под гегемонией Рима, ныне оживала с новой силой. И эта же вражда и страх, с другой стороны, заставляли иных тем крепче держаться старой связи. Так, греческие общины Кампании и юга оставались верны Риму из чувства национальной гордости и

из страха перед их исконными врагами, кампанцами и бруттийцами. Итак, в этой новой стадии войны к выгоде для Рима и в конце-концов к его спасению послужили пестрота и разнородность быта и культуры Италии. Верные ему общины, будучи отрезаны от центра и потеряв его помощь и руководство, не претерпели больших изменений в своей внутренней жизни. Предоставленная своей судьбе, каждая община стала на собственные ноги. Вместо единой, все направляющей воли Рима появилось столько же отдельных воль, сколько было участников старой федерации в захваченном войною районе Италии. С каждой из них приходилось теперь считаться обоим противникам, к каждой обращаться с опасением и надеждой. Борьба, которая до Каннской битвы велась между Римом и Аннибалом, после нее превратилась в завоевание Италии с двух сторон.

Вместе с единством страны и в самом Риме исчезло единство действия. Армия, до сих пор собранная под командой обоих консулов или диктатора, теперь разбилась на множество отрядов, разбросанных по всей стране, в которой, подобно высотам при наводнении, повсюду оставались для них опорные пункты. Крепости-колонии держались стойко, давали приют окрестным жителям и укрывали передвигавшиеся по дорогам римские отряды. Рядом с консулами теперь появилось сразу много командиров, и каждый имел особую сферу действия.

В своих округах они обосновывались прочно, оставались в них иногда годами. От времени до времени они сходились в Риме, по новому распределяли области, намечали совместный образ действий, иногда же пропадали так надолго, что в Риме иной раз не знали о том или другом важном событии в отдаленной области. Кроме полномочных командиров появляются другие, добровольные. Они то собирали партизанские отряды жителей, то становились во главе обороны городов, отрезанных от Рима и брошенных на произвол судьбы. Попадая под удары Аннибала в открытом поле, все эти отряды неизменно терпели поражение. Но теперь он не стремился к встрече с ними во что бы то ни стало, как это было прежде. Что могла дать ему победа в поле, после того, чего он уже достиг при Каннах? Да и римляне теряли его из виду надолго. Задача обоих противников была теперь иная. Аннибал подстерегал случаи захватить новый город на всех концах театра войны, римляне стремились не допустить новых отпадений и вернуть к покорности уже отпавших. Отсутствие противника им было на руку. Порой казалось, что страна не принадлежала никому. Едва Аннибал покидал какую-либо область, туда украдкой проникали римские отряды. Вновь появлялся Аннибал, и они исчезали, то прячась в колониях и укрепленных лагерях, то отступая в глухие местности. Со стороны Рима сам собою осуществлялся, наконец, тот план войны Сципиона и

Фабия, войны на истощение, в котором заключалась вся его надежда, но теперь он осуществлялся только потому, что республика не могла иначе, она потеряла способность дерзновения против Аннибала. Все выдающиеся люди Рима превратились в полководцев, и каждый действовал особняком, но так как обстоятельства были повсюду одинаковы, то и все действовали, как бы подчиняясь общему плану. Этот план проистекал из сознания своего неравенства, из готовности терпеть лишения и страдания, из смирившейся теперь гордыни римлян, столь гибельной вначале. Так, ощупью и по инстинкту, ценою горьких разочарований и неудач, был найден медленный, но верный путь к спасению.

Теперь Аннибалу приходилось бороться не столько с Римом, сколько с бесконечной силой мелочей. И хотя твердая прежде почва превращалась под его ногами в зыбучий песок, его воля и энергия не ослабевали, а маленькая армия до последнего дня сохранила преданность вождю и готовность умирать за его дело. Сильная только духом, но слабая числом, она не годилась для завоевания крепостей, для создания сплошной территориальной базы. Она попрежнему оставалась летучим, кочующим отрядом, с которым Аннибал должен был поспевать повсюду. Но огромный запас человеческого материала, далеко неисчерпанный даже каннским поражением, неуклонно, хотя и медленно, двигался вперед и занимал пространство. Он расступался перед натиском

Аннибала, но снова смыкался за его спиной. Все же Аннибал до конца сохранил свое дерзновение и отвагу. Когда римские отряды, пользуясь его отсутствием, кольцом охватили его главную союзницу, Капую, первый по богатству город Италии, Аннибал решился на безумно смелое предприятие. Оставив в покое окопы осадной римской армии, он бросился на север и, пройдя мимо стен латинских крепостей, внезапно появился у ворот Рима. Ужас охватил жителей столицы, которые ни разу не видели врага, но привыкли трепетать при его имени. Все, что было способного носить оружие, высыпало на стены для отражения штурма. Но не для штурма Рима являлся Аннибал, который увидел его в первый и последний раз в своей жизни. Он хотел отвлечь осадную армию от Капуи, чтобы разбить ее в открытом поле. Напрасно! Римляне остались сидеть в своих окопах. Так же быстро, как пришел, Аннибал исчез в горах Самния и, опустошая все на своем пути, удалился в южный угол Италии. Этот единственный набег на римскую область был совершен на седьмом году войны. С этих пор в течение еще восьми лет Аннибал оставался на крайнем юге, лишь изредка покидая эту область, чтоб нанести удар врагу или подать помощь кому-либо из своих союзников.

Поглощенный мелкой и все более безнадежной борьбой за италийские общины, Аннибал вызывал к себе новые силы извне и, где только мог, создавал новых врагов Риму. Восток подавал надежду на

помощь в лице македонского царя, в Сиракузах два ловких и дерзких агента Аннибала превратили брожение в открытое восстание против Рима. Оставалась еще Испания, откуда рано или поздно мог явиться с войском младший брат и, наконец, родина, которая не должна была бросить на произвол судьбы своего героя. Однако всего менее поддержки нашел он там, откуда всего более имел право ожидать ее. Если подумать о том, что́ мог и должен был бы сделать Карфаген, приходится сказать, что он бездействовал. Он не готовился к войне, лишь внутренний антагонизм с Баркидами втянул его в конфликт, а вдохновителем борьбы́ был Аннибал. Все то, что нам известно о действиях правительства, наводит на мысль, что с беспримерной близорукостью оно считало войну не своим делом, но делом Аннибала, надеясь в то же время извлечь и для себя выгоду из его побед. Да и можно ли говорить о единой воле правительства там, где в борьбе партий одно решение сменяется другим? Моментами в Карфагене проявляли решимость оказать энергичную поддержку Аннибалу. То было, вероятно, признаком победы его друзей. Все же решение выполнялось не всегда, или с отсрочкой, или с поправками, которые подсказывались нуждами момента. Тогда посылалась помощь в Испанию, Сардинию, Сицилию, но всего менее туда, где она была всего нужнее, в Италию. Что еще хуже, временами в Карфагене вовсе впадали в летаргию даже в виду римских отрядов, грабивших

берега Африки. Так вышло, что борьба легла почти всецело на плечи Аннибала, и ему осталась надежда на те средства, которые он создал себе сам, на помощь с востока и на свою провинцию Испанию.

Однако и эта надежда обманула. Осторожный, нерешительный против Аннибала в самой его слабости, Рим выступал со всей отвагой и дерзостью против всех других своих врагов. Его материальные рессурсы и людской запас были неистощимы. На вызов Филиппа он ответил нападением. В Греции он искусно создал коалицию и на всю войну привязал царя к родине силами домашних врагов. Восстание в Сиракузах он подавил с беспощадною энергией. Наконец Испания! Великим счастьем для Рима была идея Сципиона не отказываться от ранее намеченной экспедиции против этой базы Аннибала. Не взирая на все опасности вокруг, Рим цепко держался за этот театр войны. Вторжение Аннибала в Италию уравновешивалось нападением Сципионов на Испанию. Морской путь от Рима до Эмпорий был свободен, и корабли в изобилии везли туда солдат, оружие и припасы. Два Сципиона погибли в ужасной катастрофе, но в Риме нашелся третий, нашлись и добровольцы сопровождать его туда. Вторично началось завоевание потерянного, вторично испанские племена, колебавшиеся между двумя противниками, стали переходить на сторону Рима. В тот самый год, как в Италии Аннибал потерял Тарент, последнего крупного союзника, в Испании пала пе-

ред Сципионом столица Баркидов, Новый Карфаген. Явилась еще одна, последняя надежда. Асдрубал, хотя и разбитый Сципионом, с ядром своего войска прорвался на север и перейдя Пиренеи, направился к Альпам, чтобы соединиться с старшим братом в Италии.

Тогда наступил новый акт драмы, который мог стать ее вторым началом. На следующий год, десятый год войны, в Риме узнали, что Асдрубал спустился в долину По, что кельты снова присоединились к его армии. Два Аннибала сразу на двух концах Италии! Давно уже военные действия замерли на юге. Аннибал не имел точных сведений о брате, но знал, что он должен быть близко, быть может уже шел на юг. Из Бруттия Аннибал продвинулся в Апулию и здесь остановился в ожидании вестей. Но судьба была уже против него. Консул Нерон, загородивший ему путь на север, стоял, прикрываясь укреплениями лагеря, в таком же тревожном ожидании. Гонец от Асдрубала уже пробирался на юг, но известие которое он нес с собою, попало не в те руки. Его перехватили посты Нерона. Наступил последний, критический момент. Оставив небольшой отряд в окопах лагеря, Нерон бесшумно, ночью выступил на север. Усиленными маршами прошел он всю Италию, спеша на помощь товарищу. Он нашел обе армии расположенными друг против друга у реки Метавра. Асдрубал, сначала натолкнувшийся только на одного консула, имел полную надежду на

успех. Но вечером того дня, когда прибыл Нерон и армии соединились, в римском лагере проиграли зорю два рожка, а не один, как накануне. Асдрубал понял, что римляне перехватили его гонца. Но медлить было поздно. На другой же день он вывел армию и дал сражение. Судьба войны решилась. Армия Асдрубала была разбита, сам он пал в сражении. Так же быстро как пришел, Нерон вернулся на юг. Ганнибал продолжал стоять на прежнем месте в том же тревожном ожидании. Римский всадник подскакал к окопам его лагеря и через палисад перебросил голову Асдрубала. Все было кончено. Ганнибал немедленно снял стоянку и удалился в Бруттий. У него не осталось ничего, кроме собственной непобедимости.

Военные события с этих пор пошли помимо Ганнибала. Вскоре после гибели его брата, Испания была очищена от карфагенян. Здесь оставалось только держать в покорности изменчивые племена туземцев. Некогда боевая школа Баркидов, Испания стала теперь боевой школой для римлян. Отсюда был нанесен первый удар Риму, но отсюда же вышел и тот полководец, который нанес последний удар Карфагену. Через два года после Метавра, Сципион, завоеватель Испании, вернулся в Рим, а на следующий год, в качестве консула, он уже деятельно работал в Сицилии над подготовкой африканской экспедиции. Так, Рим выполнял, наконец, начальный план войны, на тринадцать лет отсроченный волею Ганнибала.

Пять лет, истекшие со времени битвы при Метавре и до возвращения Аннибала в Африку, являются самой темной эпохой в его жизни. Грандиозный замысел завоевать могучую державу потерпел неудачу. Но самая неудача вознесла Аннибала на небывалую высоту. Лишенный последних надежд и каких бы то ни было материальных средств, Аннибал по прежнему внушал страх римским полководцам и сохранял обаяние среди своей армии, которая и теперь оставалась верна вождю, когда всякая вера в успех давно исчезла. В невольном бездействии Аннибал подводил итоги своим бессмертным подвигам. У храма Геры на Лакинском мысе была воздвигнута монументальная надпись, повествовавшая о походах и победах пятнадцатилетней войны.

Аннибал снова находился на поворотном пункте своей жизни. Военный гений, он не был просто солдатом, не знавшим ничего, кроме походов и битв. Его взгляд был шире, его цели выше. Когда все возможности борьбы были исчерпаны, Аннибал сумел примириться с судьбою и не стал насиловать ее. Борьба стала бесполезна. Наступит ли когда либо момент начать ее снова и тем исполнить назначение своей жизни, этого он, конечно, знать не мог. Но в ожидании он должен был беречь себя и свои силы. Он должен был ждать конца, который создал бы новое положение, когда можно было бы знать, что́ делать дальше, какими путями и куда итти вперед. Вот почему, как мы думаем, он не предпринимал

ничего в Италии и не стремился вмешаться в борьбу, которая еще шла на его родине, и исход которой для него был ясен.

Но судьбе угодно было, чтобы и в этой борьбе последний жест принадлежал ему. Истощив все свои средства против Сципиона, Карфаген решил сделать последнюю ставку и вызвал из Италии Аннибала. В полном порядке и не тревожимый никем, он посадил на корабли своих ветеранов. После тридцати шести лет отсутствия он снова увидел родную землю. Но он явился не как простой слуга республики, не как исполнитель воли правительства, он принес с собою весь авторитет своей могучей личности и беспримерной славы. С первых же шагов он отклонил всякие притязания каких либо партий воздействовать на его волю и указывать ему образ действий. Собрав и организовав все, что могло усилить ядро его ветеранов, он двинулся навстречу Сципиону, но не для того, чтобы пустить в дело оружие. Его цель была кончить войну миром и, если возможно, достигнуть этого, сохраняя свою силу, и тем добиться лучших условий договора. Высшей цели, будущему своей страны, он приносил в жертву свое самолюбие полководца, привыкшего предлагать битву, а не уклоняться от нее. И только тогда, когда все уступки были отвергнуты, он примирился с неизбежным и вывел войска на последнее состязание.

В битве при Заме Аннибал еще раз показал себя мастером военного искусства. Таков был общий

голос военных критиков. И все же он был разбит на голову. Или он исчерпал наконец определенную ему меру счастья, или он инстинктом чувствовал, что воле человека в борьбе со стихийной силою вещей положен предел, и не потому ли уже в Италии, осознав, что эта сила обратилась против него, он уклонялся от борьбы и искал мира? Как бы то ни было, несмотря на все искусство, какой то рок повис над ним. Слоны не оказали на римлян никакого действия. В самый разгар сражения отряды наемников, теснимые врагом, схватились с гражданским ополчением карфагенян. Корпус ветеранов итальянского похода составлял лишь небольшую часть всей армии и сохранялся для резерва. Этот корпус долго оспаривал победу у противника и едва ли отдал бы ее, если бы перевес конницы, обычно главной силы Аннибала, теперь не оказался на стороне римлян. Она и принесла последнее решение. Армия Аннибала была частью окружена, частью рассеяна. Сам он с небольшим отрядом спасся в Адрумет. Едва прибыв сюда, он тотчас принялся за организацию нового отряда из беглецов и оставленных здесь раньше солдат.

Эти приготовления он делал, исполняя долг полководца и защитника республики, однако не для того, чтобы продолжать борьбу. Он давно искал мира и принял сражение, только уступая чужой воле. Теперь и карфагенское правительство сдавалось на милость победителя и выслушало условия Сципиона. Карфа-

ген терял Испанию и окончательно отказывался от всяких притязаний на острова. На него налагалась огромная контрибуция с уплатой в течение пятидесяти лет. Он сохранял только свои африканские владения, но Нумидия объявлялась независимой под властью Массиниссы. Правительство могло вести войну в Африке только с дозволения Рима, а вне ее не смело вовсе воевать. Военный флот подлежал выдаче и уничтожению. Наконец оккупационная армия Сципиона до ратификации мира получала содержание за счет карфагенской казны.

Условия были тяжки, но они могли оказаться еще хуже, а республика была беззащитна. Сенат и население столицы пришли в волнение. Раздавались голоса за продолжение войны, но то был бред отчаяния. С какими средствами вести борьбу далее, этого, конечно, никто не мог бы указать. Тогда в столицу явился Аннибал, которому, как последней надежде республики, принадлежало и последнее слово. Весь авторитет своей личности он отдал решению в пользу мира. Но и он провел его не без борьбы. Рассказывают, что во время дебатов он в ярости стащил с трибуны оратора, призывавшего к новому сопротивлению. Такое нарушение формы и приличий вызвало кругом протестующие возгласы, и Аннибал оправдался тем, что за тридцатишестилетнее отсутствие, среди военных тревог он отвык от мирных гражданских обычаев. Однако благоразумие в обществе взяло верх, и условия Сципиона были приняты.

Глава VII

ИЗГНАНИЕ И КОНЕЦ

Мир не принес Аннибалу ни спокойствия, ни отдыха. Но по своей натуре он никогда не стремился к ним, а дело, которому он посвятил свою жизнь, не было окончено. Все, что мы знаем о нем в последующие годы, говорит за то, что он не считал его проигранным. Напряжение семнадцатилетней войны не только не сломило его энергии, наоборот, закалило ее. В близкой обстановке вокруг он провидел еще средства к своей цели, и ему нужно было только вызвать их к действию. В широком мире политических и военных отношений он угадывал те комбинации сил, которые нужно было вызвать к жизни, чтобы вторично разрешить задачу, оставшуюся нерешенной в первый раз его личными, почти одинокими усилиями. Для этой цели он был готов работать, не пренебрегая ничем, в какой угодно роли, и жизнь последних лет показала это. Если средств запада, организованных его отцом, оказалось недостаточно, то оставались еще силы востока, могучие державы Македонии и Сирии. В самом Карфагене лежали еще богатые возможности, и надо было только устранить препятствия, которые оставляли их без пользы и применения.

По этому новому пути, но опять к той же цели и пошла теперь деятельность Аннибала.

Имя Аннибала сделалось символом борьбы с Римом. Одни смотрели на него с тревогой, другие с надеждой. Если даже обвинения домашних врагов, доносивших римскому сенату о тайных сношениях Аннибала с Сирией, о подготовке новой войны, были клеветою, то эта клевета верно попадала в цель, она только предвосхищала события. Аннибал не мог довольствоваться славой, искать покоя и отдыха, Аннибал принадлежал к тем натурам, которые приносят себя в жертву цели до конца. Мы думаем, что это символическое значение личности Аннибала, даже помимо чисто военной славы, гремевшей повсюду и нашедшей особенно горячий отзвук в финикийском мире, было его сильнейшим оружием против наследственных врагов на родине, которые имели теперь не мало поводов для обвинения его в несчастии республики. Все, на что они решались, были доносы в Рим и интриги дома.

В первые годы мира Аннибал оставался командиром военных сил и привел к спокойствию всю область Карфагена, оставленную за ним по договору. Под давлением Рима он был удален от военных дел, однако, эта отставка не означала для него неудачу. Задачи государства лежали гораздо более в сфере политической и хозяйственной, нежели военной. Чтобы ослабить зависимость от Рима, необходимо было поставить на ноги финансы, а их

система и особенно их практика в Карфагене были тесно связаны с политическим и социальным строем. Правительственный аппарат находился в руках олигархии крупных землевладельческих домов, которая являлась в то же время оплотом партии, враждебной Аннибалу. Орудием этой олигархии был совет ста, державший в своих руках судебную власть, а члены совета были пожизненны и набирались из бывших магистратов республики. Через пять лет по окончании войны Аннибал был избран на высшую гражданскую должность суфета. Но власть, которую он получил, оставалась тенью рядом с действительным авторитетом совета ста. Имущество, доброе имя и самая жизнь граждан были в его руках благодаря судам. Огромная власть вела к злоупотреблениям, но отдельные члены были неуязвимы, ибо за них стояла вся корпорация. Для планов Аннибала совет был препятствием, и борьба с ним неизбежна. По неизвестному нам поводу Аннибал, в качестве верховного судьи, потребовал к ответу казначея государства. Казначей, будущий член совета ста, ответил отказом. Тогда Аннибал приказал привести его силой к своему трибуналу, но этим не ограничился. Опираясь на сочувствие народного собрания, представлявшего интересы торговой и промышленной демократии, он провел закон, по которому совет должен был обновляться ежегодно. Закон наносил удар олигархическому строю республики. Но Аннибал повел борьбу и дальше. Он предпринял реви-

зию таможенного управления. Обнаружились небрежность и хищения, финансы республики служили источником наживы для карфагенских заправил. Всему этому был положен конец. Доходы и расходы казны были приведены в соответствие, похищенные суммы взысканы, устранена необходимость нового обложения народа, и с этих пор республика могла исправно выплачивать контрибуцию Риму. Для олигархии все это означало конец в ближайшем будущем. Центр тяжести должен был переместиться в народное собрание, существовавшее до сих пор почти только по имени, или вернее во главе республики отныне становился тот, кто являлся вождем всего движения. При том значении, какое имела личность Аннибала, едва ли могло быть сомнение, что демократия по форме превратится в единовластие по существу. Едва ли скрывал от себя эту перспективу и сам Аннибал. Его опыт в Италии, пример Капуи и Сиракуз, достаточно ясно показал ему, чего можно было ждать от управления народа. Если он решился на государственный переворот, то лишь потому, что надеялся на самого себя.

На открытый удар олигархия ответила интригой. Тайный донос в Рим о сношениях с Сирией, будто бы завязанных Аннибалом, был встречен там с нескрываемою радостью. Сенат давно уже искал повода разделаться с своим неукротимым противником. В Карфаген прибыло римское посольство под предлогом разбора тяжбы между республикой и

Массиниссой. Но Аннибал угадал его действительную цель. Он исчез раньше, чем враги успели выступить против него.

Аннибал занимал слишком видный пост, чтобы его отсутствие могло остаться незамеченным хотя бы короткое время. Как обычно, множество посетителей явилось к его дворцу утром следующего дня, но Аннибал не вышел к ним. Весть об его исчезновении быстро облетела весь город. На форуме собралась толпа, обсуждая событие. Одни угадывали, что он бежал, другие подозревали, что он пал жертвой козней римского посольства. Через некоторое время прибыли корабли купцов; они рассказали, что видели его на своей последней стоянке, на острове Керкине, недалеко от восточного берега, и что при встрече он объявил им, будто бы назначен послом в Тир. Немедленно собрался сенат для суждения об Аннибале и аудиенции римскому посольству. Жалобы и обвинения посольства были выслушаны без возражений и разбирательства. Постановление против Аннибала было принято без прений. Он объявлялся врагом отечества, имущество подлежащим конфискации. Его дом был срыт до основания. Все это произошло без волнений и протестов. Демократия молча допустила опозорение имени своего великого героя.

Еще раньше два корабля были посланы в догонку за осужденным. Но он был уже далеко. В ночь своего бегства он и его два спутника проскакали двести слишком римских миль на быстрых нумидийских ко-

нях и утром прибыли в имение Аннибала. Здесь уже ожидало заранее приготовленное в предвидении надобности судно. На нем Аннибал в тот же день достиг Керкины. Обманув знакомых купцов и задержав хитростью их отъезд, Аннибал ночью же отплыл дальше на восток. Таким образом, раньше, чем истина открылась в Карфагене, он был уже в открытом море, и никакая погоня не могла догнать его.

Первое место, куда прибыл Аннибал, был Тир. Древняя метрополия Карфагена встретила его, как национального героя. Но путь его лежал дальше, в Сирию. Найдя почетный и ласковый прием у сына Антиоха в столице, он не задерживаясь, поехал дальше к самому царю. Он застал Антиоха на побережьи Малой Азии, в Эфесе. После Македонской войны Рим уже успел протянуть свои щупальцы далеко на восток и привел в движение весь греческий мир республик и монархий. Царь, пока еще колеблющийся и нерешительный, строил планы против угрожавшей с запада италийской державы.

На случай войны Аннибал был для него бесценным сотрудником. В грандиозных чертах великий полководец раскрыл свой проект борьбы в которой главным условием было новое нападенне на самую Италию, причем этот театр войны предназначал для себя. Предполагалось также содействие Карфагена. Повидимому, план сперва получил одобрение царя. В связи с ним Аннибал через своего агента попытался подготовить почву в самом Карфагене и побу-

дить его к выступлению. Но попытка не удалась, агенту Аннибала пришлось бежать. Все же он считал возможной экспедицию в Италию и без Карфагена и настойчиво старался внушить свой план Антиоху. Напрасно! Он действовал теперь в роли придворного, его голос терялся в море других голосов. Одно время за его советы царь платил недоверием, почти отставкой. Проникнутая единым планом, направленная к главной цели политика, которую предлагал он, уступала политике мелких средств и частичных захватов. Даже признавая свои ошибки и отдавая должное проницательности Аннибала, царь был не способен воспринять и осуществить его идею. Аннибал видел тщету всех усилий и все же не отказывался от своего дела. Среди всех неудач и ошибок, причину которых он понимал, как никто другой, он продолжал служить, принимая на себя какое угодно поручение, действуя иногда под чужим неспособным начальством и разделяя чужие поражения. Из советника он все более превращался в безгласного свидетеля событий. Так прожил он шесть лет в придворной атмосфере, видя постепенное торжество Рима по вине малодушия и глупости его врагов. Двор Антиоха, из которого он думал сделать свою военную квартиру, в конце концов, превратился в простое убежище его изгнания. Пришел однако день, когда и в этом убежище ему было отказано. Предупрежденный о том, что среди мирных условий царю предъявлено Римом требование выдать Анни-

бала, он исчез, как некогда исчез из Карфагена. Одно время он жил на Крите частным человеком, а затем нашел приют у Прузии, вифинского царька, который враждовал если не с самим Римом, то с его союзником, своим соседом. Но ненависть римлян на этот раз настигла его. Прузии было предъявлено требование о выдаче Аннибала. Беда застигла его внезапно, спасаться было поздно. Аннибал исчерпал все средства для борьбы с своим врагом, у него оставалось только одно средство, чтобы не даться ему в руки — яд. Смерть избавила его от позора и освободила Рим от величайшего противника, какого он когда либо имел.

Мы ничего не говорили о личной жизни Аннибала, ибо эта сторона нам почти совершенно неизвестна. Однако в Аннибале частная жизнь совершенно заслоняется его историческим значением. Он одинаково возбуждал к себе как ненависть, так и восторженное поклонение. Немудрено, что его характер изображали различно. Одни обвиняли его в коварстве и корыстолюбии, другие восхваляли его благородство и даже гуманность, удивительную в тот жестокий век. Он мог быть разным в разных случаях, ибо для своей цели он обращался ко всем средствам, и следовательно, легко можно было принять за проявление его натуры то, что на самом деле было уступкой обстоятельствам.

При всем разнообразии и богатстве событий его жизни, она по сущности своей чрезвычайно проста. Вся она есть неизменное усилие воли к единственной цели. Идея, которой он жил, была его страстью. Он хотел заразить ею весь мир и все человечество превратить в свое орудие. В этом он не успел — такова трагедия его жизни. Практичный, трезвый и чуткий в решении тысячи подготовительных задач, он оказался неудачником в главном. Цель его была недостижима.

Идея Аннибала означала: победа над Римом т.-е. спасение своей национальной стихии от поглощения чужою. Аннибал всю свою жизнь высматривал вокруг себя те потенциальные силы, сочетание которых должно было осуществить эту идею, и напрягал свою волю, чтобы превратить их в живые и действующие. Он искал их на западе и на востоке, в глухих испанских деревнях, в италийских республиках, во дворцах карфагенских вельмож, в свите восточных монархов. Он одинаково обращался к добродетели людей и к их порокам, призывал к себе на помощь свое военное искусство и способность терпеливого выжидания. Стремясь к своей цели, он в буквальном смысле сделал мировую карьеру, пройдя весь круг земель от заката и до восхода солнца. Попутно он приобрел славу, богатство и власть, но ради главного он легко расстался с этими благами и с высшей ступени земного величия спустился в ничтожество. Меняя внешность, он вечно

оставался самим собою и никогда не был так велик, как в последний, сумрачный период своей жизни, в годы унижения и бессилия. Если идея Аннибала в конце концов оказалась химерой, если все его усилия привели к обратному, толкнув Рим на завоевание мира, то это все же не умаляет его величия. Оно измеряется не тем, чего он достиг, но тем, как он достигал.

История сохранила об Аннибале память, как о великом полководце. На самом деле он был все же не воином, но политиком. Военное искусство и победа были для него средством, а не целью. Он легко отказывался от этого средства ради других, более надежных путей и без колебания жертвовал своей славой, самолюбием и даже честью полководца. При Заме он пережил свою непобедимость и последних своих ветеранов. Позднее он отказался от самой роли вождя ради того, чтобы служить делу, хотя бы в роли подчиненного.

В истории ни разу даже самый счастливый политик, в стремлении навязать миру свою идею, не достигал полного успеха. Политика есть тоже творчество, как и всякое искусство; но материал ее неподатлив, изменчив и коварен. Бесчисленные комбинации человеческих воль редко и не надолго покоряются творящей воле политика и не дают привести себя в ту форму, которая соответствует его идее. Даже тогда, когда они как будто бы идут ему навстречу, стараясь понять его цель, в действительности они искажают ее, и результат оказывается да-

леким от своего идеального прообраза. В истории редки моменты, когда внутренний творческий процесс и цели отдельной личности совпадают с движением и целями масс. В большинстве случаев уделом ее является одиночество.

В таком одиночестве жил и действовал Аннибал. Он не был вынесен наверх на гребне массового движения. Он сам стремился вдохнуть в людей то пламя, которое горело в его собственной душе. Оторванный от родины с малых лет, он не имел в ней почвы. Дело своего народа ему пришлось защищать менее всего его собственными руками. Он вдохновлялся славной традицией и памятью своего отца, опирался на кружок своих боевых товарищей, брал в качестве орудия испанцев, кельтов, нумидийцев, африканцев, италиков, позднее греков и сирийцев, но всего менее своих земляков. Эта раса купцов и всесветных скитальцев выявила свой дух в богатой культуре и своеобразном быте, но для их защиты не сумела создать государства и проникнуться национальной солидарностью. Энергией отдельных неизвестных нам вождей она распространилась по всему тогдашнему миру и проникла во все его поры, но отдельные группы племени не сумели сплотиться воедино. Аннибал был последним и величайшим из этих вождей, но он один не мог создать того, что способна создать только целая нация.

То, чего недоставало его соплеменникам, он пытался заимствовать у чужих. Риму он стремился

противопоставить военную удаль испанцев и нумидийцев, национальный дух кельтов и италиков, честолюбие восточных монархов. До известного очень далекого предела он успевал двинуть эти силы в нужном ему направлении. Но все же в конце концов усилие разбивалось о косность материи, и последняя комбинация человеческих воль оставалась недостигнутой. Его дух требовал от людей прыжка, они же останавливались на полдороге. В конце концов, своей энергией он становился невыносимым и для врагов и для друзей. Косность и инертность среды постепенно лишали его каждой новой позиции; когда он потерял последнюю, он сам устранил себя с арены жизненной борьбы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стран.

От автора 5

I. Амилькар 7

II. Первые шаги Аннибала 18

III. Конфликт с Римом 33

IV. Поход на Италию 50

V. Тразимен и Канны 71

VI. Борьба за Италию 95

VII. Изгнание и конец 113

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ — Стенька Разин.
М. Д. ПРИСЕЛКОВ — Нестор Летописец.
Н. И. КАРЕЕВ — Карлейль.
А. И. ХОМЕНТОВСКАЯ — Кастильоне.
В. А. НИКОЛЬСКИЙ — Суриков.
В. П. БУЗЕСКУЛ — Перикл.
Д. П. КОНЧАЛОВСКИЙ — Аннибал.
Д. Н. ЕГОРОВ — Шлиман.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Т. Н. АНЦИФЕРОВА — Юрий Крижанич.
И. М. ГРЕВС — Данте.
Н. И. КАРЕЕВ — Дантон.
Н. Д. ШАХОВСКАЯ — Князь Курбский.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Н. П. АНЦИФЕРОВ — Мадзини.
АЛЕКСАНДР БЕНУА — Мольер.
М. М. БОГОСЛОВСКИЙ — Петр Великий.
Н. В. БОЛДЫРЕВ — Бенжамен Констан.
А. ГВОЗДЕВ — Казанова.
А. А. ГИЗЕТТИ — Шелли.
А. К. ГОРНФЕЛЬД — Аксаков.
Л. П. ГРОССМАН — Достоевский.

О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ — Людовик IX.

Ричард Львиное Сердце.

Д. П. КОНЧАЛОВСКИЙ — Катон Старший.

А. А. КОРНИЛОВ — Бакунин.

Б. А. КРЖЕВСКИЙ — Расин.

„ Сервантес.

К. В. КУДРЯШЕВ — Платон Зубов.

Д. А. ЛЕВИН — Вольтер.

П. П. МУРАТОВ — Лоренцо Бернини.

С. Ф. ПЛАТОНОВ — Иван Грозный.

А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Александр I.

„ Сперанский.

„ Николай I.

Б. А. РОМАНОВ — Граф Витте.

А. А. СМИРНОВ — Кальдерон.

Е. В. ТАРЛЕ — Наполеон.

„ Бисмарк.

С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ — Емельян Пугачев.

Г. П. ФЕДОТОВ — Абеляр.

А. И. ХОМЕНТОВСКАЯ — Лоренцо Валла.

А. Г. ЯРОШЕВСКИЙ — Станкевич.

Издательство „БРОКГАУЗ-ЕФРОН“

Петроград, Прачешный пер., 6. Тел. 553-92.

ОТДЕЛ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ ИЗДАНИЙ

ВЫШЛИ В СВЕТ:

1. Н. П. АНЦИФЕРОВ. Душа Петербурга. С гравюрами А. П. Остроумовой-Лебедевой. Цена 1 р. 40 к.
2. О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР. Римская портретная скульптура в Эрмитаже (с 40 иллюстр.). Цена 2 р.
3. С. Н. ТРОЙНИЦКИЙ. Каталог вееров Эрмитажа (с 22 таблицами). Цена 3 р.
4. В. А. НИКОЛЬСКИЙ. Древне-русское декоративное искусство (с 24 иллюстр.). Цена 2 р.
5. Н. Э. РАДЛОВ. От Репина до Григорьева (статьи о современных художниках, с 19 иллюстр.). Ц. 2 р. 50 к.
6. В. Н. ТАЛЕПОРОВСКИЙ. Павловский парк (с рисунками автора). Цена 2 руб., на вел. бум. 4 руб.
7. М. С. КОНОПЛЕВА. Дом Шуваловых. Цена 50 коп.
8. В. К. СТАНЮКОВИЧ. Фонтанный дом Шереметевых. Ц. 50 к.
9. К. ПОЛЗИКОВА-РУБЕЦ. Дворец Меншикова.
10. А. В. КАРЛСОН. Летний сад при Петре I.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

11. Н. П. АНЦИФЕРОВ. Петербург Достоевского (с рисунками М. В. Добужинского).
12. С. Н. ТРОЙНИЦКИЙ. Английское серебро в Эрмитаже.
13. В. К. СТАНЮКОВИЧ. В. Э. Борисов-Мусатов.

14. Н. П. АНЦИФЕРОВ. Миф и быль Петербурга.
15. М. В. ФАРМАКОВСКИЙ — Фарфор, фаянс и майолика в России (с иллюстрациями).
16. О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ. Паломничества на Западе.
17. О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР. Античная скульптура в Эрмитаже.
18. М. И. МАКСИМОВА. Античные резные камни.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Серии.

I. Каталоги отделения драгоценностей Эрмитажа.
   Вып. 3. Часы
   „ 4. Табакерки.

II. Очерки по искусству и древностям, хранящимся в Эрмитаже и других русских собраниях. (Научно-популярные монографии под ред. О. Ф. ВАЛЬДГАУЕРА).
   Вып. 2. Г. И. БОРОВКА. Куль Оба.
   „ 3. Л. А. МАЦУЛЕВИЧ. Русское церковное искусство XVIII и XIX вв.
   Е. В. ЕРНШТЕДТ. Греческие терракоты Эрмитажного собрания.
   О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР. Античные вазы с рельефными украшениями.
   Г. И. БОРОВКА. Скифский звериный стиль.
   О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР. Шедёвры вазовой живописи в собраний Эрмитажа.

III. Памятники древности, хранящиеся в Эрмитаже и других русских собраниях.
   (Каталоги под общей редакц. О. Ф. ВАЛЬДГАУЕРА).

Вып. 1. О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР. Памятники античной скульптуры в собраниях Петербурга и его окрестностей.

IV. Материалы для истории русского искусства (под редакцией Александра БЕНУА и С. П. ЯРЕМИЧА).

Вып. 1. С. Р. ЭРНСТ. Письма русских художников конца XVIII в. и первой половины XIX в.

П. П. МУРАТОВ и Б. Р. ВИППЕР. Живописцы итальянского барокко.

П. П. ВЕЙНЕР. Лекции по истории мебели.

И. И. ЖАРНОВСКИЙ. Венецианское искусство в XVIII в.

А. А. КОНСТАНТИНОВА. Лоренцо Гиберти.

Д. В. АЙНАЛОВ. Леонардо да Винчи.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00001482826